

· МАРГАРИТА ФУАРО ЛИСБЕТ КОТЦОВА

Мой
БОСС

Маргарита Фуаро

Мой Босс

<https://litres.ru/74205599>

Аннотация

Алла пришла в крупную строительную компанию всего лишь стажеркой отдела продаж. Ей нужна была работа, деньги и шанс начать жизнь заново после болезненного прошлого. Она не собиралась никому доверять, не собиралась просить помощи и точно не собиралась попадаться на глаза своему боссу.

Артем Орлов - властный, холодный и опасно притягательный генеральный директор. Мужчина, который привык видеть людей насквозь и получать то, что хочет. Сначала Алла кажется ему интересной добычей: упрямая, гордая, испуганная, но не сломленная.

Но игра быстро выходит из-под контроля.

Прошное Аллы возвращается в лице бывшего, который знает слишком много. Старые тайны компании всплывают наружу. Исчезнувшая женщина оказывается живой. Предатели находятся ближе, чем можно было представить. А между стажеркой и ее боссом возникает чувство, которому опасно доверять.

Она боится стать слабым местом.

Он боится снова не успеть спасти.

Но когда охота начинается по-настоящему, им придется решить: можно ли довериться тому, кто сначала смотрел на тебя

как на добычу, а потом стал тем, ради кого сердце боится сильнее, чем за себя.

Она хотела просто выжить. Он хотел все контролировать. Но любовь не подчиняется приказам босса.

Содержание

Глава 1. Стажерка	5
Глава 2. Настоящая проверка	25
Глава 3. Следы прошлого	56
Глава 4. Тот, кто рядом	98
Глава 5. Чужой среди своих	149
Глава 6. Когда просишь о помощи	205
Конец ознакомительного фрагмента.	222

Глава 1. Стажерка

Алла стояла перед зеркальной дверью огромного бизнес-центра и пыталась не дышать слишком часто.

Не потому что боялась.

Нет.

Она просто очень не хотела, чтобы кто-нибудь заметил, как сильно у нее дрожат пальцы.

На ней была белая блузка, купленная вчера вечером на последние свободные деньги, темно-синяя юбка чуть ниже колена и туфли, которые казались удобными ровно до того момента, пока она не вышла из метро. Волосы она собрала в аккуратный низкий хвост, на губы нанесла почти незаметный блеск, а в сумку положила блокнот, ручку, паспорт, трудовой договор и маленькую шоколадку — на случай, если от волнения станет совсем плохо.

Сегодня был ее первый день.

Первый настоящий день взрослой жизни.

Не подработка в кофейне. Не временная помощь знакомой в салоне красоты. Не расклейка объявлений по подъездам в студенчестве.

Сегодня Алла приходила стажеркой в отдел продаж крупной строительной компании «Гранит Девелопмент».

Компании, о которой в городе знали все.

Они строили жилые комплексы, торговые центры, котте-

джные поселки, офисные башни. Их баннеры висели на центральных улицах. Их рекламу крутили по радио. Их логотип стоял на ограждениях строек, мимо которых Алла проходила почти каждый день, даже не подозревая, что однажды окажется внутри этого мира.

Мира дорогих костюмов.

Переговоров за стеклянными стенами.

Сделок на миллионы.

И людей, которые улыбались так, будто заранее знали цену любому твоему слову.

Алла подняла глаза на здание.

Сорок два этажа стекла и бетона уходили в пасмурное небо. На солнце, наверное, оно сияло бы холодно и торжественно. Но сейчас небо было серым, тяжелым, почти осенним, хотя на календаре стоял только конец августа.

— Ну что, Алла Сергеевна, — прошептала она сама себе. — Или сейчас, или никогда.

И шагнула внутрь.

В холле пахло кофе, дорогим парфюмом и свежей полировкой. Мраморный пол отражал свет потолочных панелей. У стойки ресепшена сидела девушка с идеальной укладкой и такой ровной улыбкой, будто ее тоже выдали вместе с формой.

— Доброе утро, — Алла подошла ближе. — Я на стажировку. В отдел продаж. Алла Смирнова.

Девушка быстро посмотрела в монитор.

— Да, вижу. Вам на двадцать шестой этаж. Пропуск сейчас оформлю. Паспорт, пожалуйста.

Алла протянула документ, стараясь не показать, как влажнеют ладони.

Пока девушка печатала что-то на клавиатуре, Алла оглянулась.

Люди входили и выходили из турникетов уверенно, почти не замечая друг друга. Мужчины в костюмах, женщины на каблуках, курьеры с папками, охрана в темной форме. Кто-то говорил по телефону, кто-то держал стакан кофе, кто-то уже с самого утра выглядел так, будто мысленно выигрывал войну.

Алле вдруг стало неловко от своей новой сумки из недорогого магазина.

От слишком простых часов.

От того, что она не знала, куда девать руки.

— Ваш пропуск.

Девушка положила на стойку пластиковую карту.

— Спасибо.

— Лифт прямо и налево.

Алла кивнула, прошла через турникет и почти сразу услышала за спиной мужской голос:

— Подождите.

Голос был негромкий.

Но от него почему-то захотелось остановиться.

Не потому что приказали. А потому что в нем было что-

то такое, к чему люди привыкли прислушиваться.

Алла обернулась.

К турникетам подходил мужчина.

Высокий. Широкоплечий. В темно-графитовом костюме, который сидел на нем так безупречно, будто был не одеждой, а продолжением его власти. Белая рубашка, темный галстук, часы на запястье — не кричащие, но очевидно дорогие. Волосы темные, с легкой сединой у висков. Лицо резкое, спокойное, с жесткой линией подбородка.

Ему можно было дать лет сорок.

Может, чуть больше.

Но возраст не делал его старше. Скорее наоборот — придавал ту уверенность, которую невозможно купить вместе с костюмом.

Он не спешил. И от этого казалось, что весь холл подстраивается под его шаг.

Охранник выпрямился.

Девушка на ресепшене улыбнулась уже не дежурно, а почти испуганно.

— Доброе утро, Артем Викторович.

Алла замерла.

Артем Викторович.

Она слышала это имя вчера на собеседовании.

Артем Викторович Орлов.

Генеральный директор «Гранит Девелопмент».

Ее будущий босс.

Нет.

Не просто босс.

Человек, который владел половиной этого здания, решал судьбы проектов, подписывал контракты и, судя по тому, как на него смотрели, привык, что мир не спорит с его желаниями.

Он приложил пропуск к турникету, прошел и только тогда посмотрел на Аллу.

Прямо.

Без улыбки.

Без приветливости.

Но так внимательно, что у нее внутри будто что-то оборвалось.

Его взгляд скользнул по ее лицу, волосам, блузке, рукам, снова вернулся к глазам. Не нагло. Не откровенно. Но слишком точно. Так смотрят не случайно. Так оценивают.

И Алла вдруг почувствовала себя не человеком в холле бизнес-центра.

А фигурой на шахматной доске.

— Вы новая стажерка? — спросил он.

Она сглотнула.

— Да. Алла Смирнова. Отдел продаж.

— Опаздываете?

Алла резко посмотрела на часы.

— Нет. Я пришла на двадцать минут раньше.

— Хорошо.

Он произнес это так, будто уже выставил ей первую оценку.

И прошел к лифтам.

Алла стояла еще секунду, не понимая, должна ли идти следом или подождать другой лифт. Но Артем Викторович, не оборачиваясь, сказал:

— Вам тоже наверх, Алла.

От того, что он произнес ее имя, у нее по спине прошел холодок.

Она поспешила за ним.

Лифт был просторный, зеркальный и почти бесшумный. Они вошли вдвоем. Двери закрылись, отрезав шум холла.

Алла встала ближе к панели с кнопками.

Артем Викторович нажал двадцать шестой и тридцать восьмой этаж.

Тридцать восьмой, значит, его кабинет был выше.

Конечно.

Такие люди всегда сидят выше остальных.

Несколько секунд они молчали.

Алла смотрела на светящиеся цифры этажей и пыталась убедить себя, что это обычная встреча. Просто случайность. Просто генеральный директор оказался утром в холле одновременно с ней.

Но его присутствие занимало слишком много пространства.

Он стоял рядом, не касаясь ее, даже не двигаясь, а Алле

казалось, что воздух стал плотнее.

— Почему продажи? — вдруг спросил он.

Она повернула голову.

— Что?

— Почему вы выбрали отдел продаж?

Алла растерялась. На собеседовании она отвечала на этот вопрос уверенно, с улыбкой, заранее подготовленными фразами про коммуникабельность, развитие, карьерный рост и желание работать в сильной компании.

Но сейчас все эти слова показались ей картонными.

Фальшивыми.

Артем Викторович смотрел так, будто слышал ложь еще до того, как она успевала родиться.

— Мне нужны деньги, — сказала Алла честно.

И тут же пожалела.

Господи.

Первый день.

Генеральный директор.

А она выдала такое.

Но он не усмехнулся.

Только слегка приподнял бровь.

— Честно.

— Простите, я хотела сказать...

— Не надо исправлять. Первый ответ часто самый правильный.

Алла опустила глаза.

— Я хочу научиться зарабатывать сама. Не просить. Не зависеть. Не ждать, что кто-то решит мои проблемы.

— А проблемы есть?

Вопрос был слишком личным.

Алла посмотрела на него настороженно.

— У всех есть.

Теперь в уголке его губ появилась почти незаметная тень улыбки.

— Умный ответ.

Лифт остановился на двадцать шестом.

Двери раскрылись.

За ними был светлый коридор с прозрачными перегородками, за которыми уже кипела работа. Звонили телефоны. Щелкали клавиатуры. Кто-то смеялся у кофемашины. На стене висел огромный макет будущего жилого квартала с подсветкой и миниатюрными деревьями.

Алла хотела выйти, но Артем Викторович вдруг сказал:

— Алла.

Она остановилась на пороге лифта.

— Да?

Он посмотрел на нее спокойно, почти равнодушно.

Но глаза у него были совсем не равнодушные.

— В этой компании выживут не самые старательные. И не самые красивые. Здесь выживают те, кто быстро понимает, чего от них хотят.

Алла почувствовала, как внутри поднимается неприят-

ное, тревожное сопротивление.

— А если я не хочу быть той, от кого чего-то хотят?

Он чуть наклонил голову.

— Тогда вам будет особенно интересно.

Двери лифта начали закрываться.

Алла шагнула в коридор.

И в последнюю секунду успела увидеть его взгляд.

Он смотрел на нее так, будто уже решил: эта новая стажерка не должна затеряться среди других.

Лифт закрылся.

А Алла осталась стоять посреди коридора с пропуском в руке и бешено колотящимся сердцем.

— Новенькая?

Она вздрогнула.

К ней подошла женщина лет тридцати пяти с короткой стрижкой, яркой помадой и папкой в руках.

— Да. Алла Смирнова.

— Я Марина, руководитель группы продаж. Давай быстрее, у нас тут не университет, нянчиться никто не будет.

— Конечно.

Марина пошла вперед, Алла за ней.

— Рабочее место у тебя пока возле окна. Первые две недели смотришь, слушаешь, учишь скрипты, изучаешь объекты, потом начнем давать теплые звонки. В базе ничего не удалять, клиентам лишнего не обещать, с юротделом не спорить, с ипотечным отделом дружить. И главное — не пытай-

ся казаться умнее, чем ты есть.

Алла кивала, едва успевая запоминать.

— Поняла.

Марина резко остановилась и обернулась.

— И еще. С Орловым уже познакомилась?

Алла не ожидала вопроса.

— Случайно. В лифте.

Марина посмотрела на нее внимательно.

Слишком внимательно.

— В лифте, значит.

— Да. А что?

— Ничего.

Но это «ничего» прозвучало так, будто значило очень многое.

Марина подвела ее к столу возле панорамного окна. Отсюда город казался игрушечным: дороги, машины, крыши, строительные краны вдалеке. На столе стоял монитор, клавиатура, телефон и стопка толстых папок.

— Вот твоя крепость, — сказала Марина. — Стажерский рай.

Алла улыбнулась.

— Спасибо.

— Не благодари раньше времени.

Марина положила перед ней папку.

— Это жилой комплекс «Северный парк». Через три недели старт продаж второй очереди. Будешь учить планировки,

цены, преимущества, возражения клиентов. К вечеру хочу, чтобы ты могла рассказать мне объект без бумажки.

— К вечеру?

— А ты думала, тебе тут кофе носить дадут?

— Нет, я...

— Вот и хорошо.

Марина уже собиралась уйти, но вдруг наклонилась ближе.

— И маленький совет, Алла. Бесплатный. В этой компании не смотри слишком долго вверх.

Алла не поняла.

— В смысле?

Марина усмехнулась.

— В прямом. На тридцать восьмой этаж.

И ушла.

Алла медленно села за стол.

Слова Марины неприятно зацепились где-то внутри.

Не смотри вверх.

Артем Викторович Орлов.

Его голос.

Его взгляд.

Его фраза: «Тогда вам будет особенно интересно».

Алла открыла папку, но первые минуты не могла сосредоточиться. Строчки расплывались. Планировки квартир превращались в бессмысленные квадраты и цифры.

Она злилась на себя.

Очень.

Потому что не была девочкой, которая теряет голову от мужчины в дорогом костюме.

Не была.

У нее не было на это права.

Ей двадцать три. За плечами съемная комната на окраине, мать с вечными долгами, младший брат, которому нужно помогать с техникумом, и бывший парень, который в последний день их отношений сказал:

«Ты без меня никто. Максимум продавщица в торговом центре».

Алла тогда не заплакала.

Просто собрала вещи.

Две сумки, пакет с обувью и старый ноутбук.

И ушла.

Она слишком хорошо знала цену зависимости.

Слишком хорошо знала, как сначала тебя называют любимой, потом удобной, потом обязанной, а потом виноватой.

Нет.

Артем Викторович Орлов мог быть кем угодно.

Красивым. Богатым. Властным. Опасным.

Но для нее он был просто начальником.

Большим начальником.

Далеким.

Недоступным.

И совершенно неважным.

Алла заставила себя читать.

Через час у нее уже болела голова. Через два она исписала половину блокнота. Через три научилась отличать корпуса, очереди строительства и типы отделки.

В обед она не пошла с коллегами в кафе. Достала из сумки контейнер с гречкой и котлетой, который приготовила ночью, и тихо поела на кухне у окна.

Там ее и нашла девушка с соседнего стола.

— Ты Алла, да?

— Да.

— Я Катя. Слушай, не пугайся Марины. Она нормальная, просто строит из себя цербера.

Катя была рыжеватая, веселая, с быстрыми глазами.

— Я не пугаюсь, — сказала Алла.

— Ага, конечно. Тут все сначала не пугаются, потом плачут в туалете.

Алла невольно улыбнулась.

— Настолько страшно?

— Страшнее. Но интересно. Деньги хорошие, если втянуться. Люди, правда, разные. Клиенты бывают адекватные, бывают такие, что хочется продать им не квартиру, а билет в один конец куда-нибудь подальше.

Алла рассмеялась.

Напряжение немного отпустило.

— А Орлов? — спросила она неожиданно для самой себя.

Катя перестала жевать яблоко.

— А что Орлов?

— Просто Марина сказала не смотреть вверх.

Катя фыркнула.

— Марина любит драму. Но вообще... да. Лучше не смотреть.

— Почему?

Катя наклонилась ближе.

— Потому что Орлов не просто босс. Он как... не знаю. Как хищник. Видит слабое место быстрее, чем ты сама его успеваешь спрятать.

Алла почувствовала, как по коже пробежал холод.

— И что?

— И ничего. Если ты ему неинтересна — можешь спокойно работать. Если интересна...

Катя замолчала.

— Что тогда?

— Тогда все зависит от того, насколько ты умная.

— А если очень?

Катя посмотрела на нее с неожиданной серьезностью.

— Тогда беги первой.

Алла хотела спросить еще, но в кухню вошли двое мужчин из отдела, разговор оборвался, и Катя снова стала обычной веселой коллегой, будто ничего не сказала.

До конца дня Алла работала почти без остановки.

Марина проверила ее в половине шестого.

Алла запнулась всего два раза.

— Неплохо, — сказала Марина. — Для первого дня.
Это прозвучало почти как награда.

К семи офис начал пустеть. Кто-то уходил, кто-то оставался на звонках, кто-то пил третий кофе. Алла понимала, что могла бы тоже собраться, но решила еще немного посидеть с материалами.

Ей нужно было это место.

Нужно было удержаться.

Нужно было доказать себе, что она не «никто».

За окном темнело. Город зажигал огни. В стекле отражалось ее уставшее лицо.

Алла закрыла папку только в половине девятого.

Когда она вышла в коридор, на этаже было почти тихо.

Она вызвала лифт.

Двери открылись.

И сердце ухнуло вниз.

В лифте стоял Артем Викторович Орлов.

Один.

Без охраны.

Без помощников.

В расстегнутом пиджаке, с ослабленным галстуком, но все равно до невозможности собранный.

Алла замерла.

— Поедете? — спросил он.

Она могла сказать, что забыла что-то на столе.

Могла сделать вид, что ей нужно в туалет.

Могла подождать другой лифт.

Но это было бы глупо.

Слишком заметно.

— Да.

Она вошла.

Двери закрылись.

Снова они вдвоем.

Только теперь за окном была темнота, офис почти опустел, и воздух между ними стал совсем другим.

— Первый день пережили? — спросил он.

— Да.

— Уже не уверены, что хотите здесь работать?

— Уверена.

— Быстро отвечаете.

— Потому что знаю ответ.

Он посмотрел на нее сбоку.

— Хорошее качество. Но иногда опасное.

— Почему?

— Потому что люди, которые слишком уверены в своих ответах, часто не замечают, как им меняют вопрос.

Алла молчала.

Лифт шел вниз слишком медленно.

— Марина вас загрузила? — спросил он.

— Нормально.

— Она умеет проверять людей.

— Я заметила.

— И как вам?

Алла повернулась к нему.

— Вы сейчас спрашиваете как директор или как человек, который случайно встретил меня в лифте?

Он впервые улыбнулся заметно.

Не широко.

Но от этой улыбки у нее перехватило дыхание.

— А вы умеете ставить границы, Алла.

— Учусь.

— Кто научил?

Вопрос снова был личным.

Слишком.

Она отвела взгляд.

— Жизнь.

— Жесткий учитель.

— Зато эффективный.

Лифт остановился не на первом этаже, а на подземной парковке.

Алла нахмурилась.

— Мне на первый.

— Знаю.

Двери открылись.

Перед ними раскинулась полутемная парковка с рядами дорогих машин. Где-то гулко капала вода. Свет ламп отражался на черных капотах.

Артем Викторович не вышел сразу.

— У меня встреча за городом. По пути могу довезти вас до метро.

Алла напряглась.

— Спасибо, не нужно.

— Уже поздно.

— Я привыкла.

— К чему?

— Справляться сама.

Он медленно повернулся к ней.

И теперь в его взгляде не было ни директора, ни случайного собеседника.

Только мужчина.

Опасный.

Уверенный.

Тот, кто привык хотеть — и получать.

— Это не всегда преимущество, Алла.

Она почувствовала, как внутри поднимается злость.

Не громкая. Не горячая. А холодная.

Та самая, которая появлялась у нее каждый раз, когда кто-то пытался решить за нее, что ей нужно.

— Возможно, — сказала она. — Но это мое право.

Он смотрел на нее несколько секунд.

Потом нажал кнопку первого этажа.

Двери закрылись.

Лифт поехал вверх.

Алла стояла прямо, хотя колени предательски слабели.

Она понимала: только что отказала человеку, которому здесь, возможно, не отказывали вообще.

И не знала, чем это обернется.

На первом этаже двери открылись.

Алла вышла, но у самого выхода услышала его голос:

— До завтра, стажерка.

Она обернулась.

— До свидания, Артем Викторович.

— Не до свидания.

Он снова чуть улыбнулся.

— Именно до завтра.

Двери закрылись.

Алла вышла из бизнес-центра в вечерний воздух.

На улице моросил мелкий дождь. Машины шуршали по мокрому асфальту. Где-то рядом смеялись люди, спешили домой, открывали зонты, звонили близким.

Обычный город.

Обычный вечер.

Но Алла почему-то чувствовала, что после этого дня обычной ее жизнь уже не будет.

Она дошла до остановки, села на холодную лавку и только тогда позволила себе выдохнуть.

Телефон завибрировал.

Сообщение от неизвестного номера.

Алла открыла его.

«Первый день прошел достойно. Но завтра начнет-

ся настоящая проверка. А.О.»

Она смотрела на экран и не могла пошевелиться.

А.О.

Артем Орлов.

Откуда у него ее номер?

И почему от одного короткого сообщения у нее внутри смешались страх, злость и странное, почти запретное волнение?

Алла медленно заблокировала телефон.

Дождь усиливался.

Она подняла лицо к темному небу и прошептала:

— Нет, Артем Викторович. Добычей я не буду.

Но где-то высоко, на тридцать восьмом этаже, за стеклянными стенами кабинета, мужчина в темном костюме смотрел на город сверху вниз.

И улыбался так, будто охота уже началась.

Глава 2. Настоящая проверка

Алла почти не спала.

Она лежала на узкой кровати в своей съемной комнате, смотрела в потолок и снова, снова, снова прокручивала в голове этот короткий набор слов:

«Первый день прошел достойно. Но завтра начнется настоящая проверка. А.О.»

Сообщение было как иголка под кожей.

Небольшое.

Почти незаметное.

Но стоило о нем вспомнить — внутри все напрягалось.

Алла переворачивалась с боку на бок, поправляла одеяло, вставала пить воду, снова ложилась, закрывала глаза, но перед ней тут же возникал он.

Артем Викторович Орлов.

Темный костюм.

Спокойный голос.

Взгляд, от которого хотелось выпрямить спину и одновременно спрятаться.

Он не сделал ничего откровенного. Не сказал ничего такого, за что можно было бы возмутиться вслух, хлопнуть дверью, пожаловаться Марине или хотя бы самой себе доказать: да, это было неправильно.

Нет.

В этом-то и была опасность.

Он действовал на грани.

Не переходил черту.

Но подходил к ней так близко, что Алла кожей чувствовала его присутствие.

«Настоящая проверка».

Что это вообще значит?

Профессиональная? Он решил посмотреть, на что она способна? Или личная? И почему он вообще пишет стажерке после рабочего дня?

Она могла бы не отвечать.

И она не ответила.

Более того — удалила сообщение.

Потом восстановила из корзины.

Потом снова удалила.

Потом выключила телефон и сунула его под подушку, будто он мог обжечь ей руку.

В три часа ночи за стеной кто-то включил телевизор. Слышались голоса из какого-то ток-шоу, смех, хлопки. В коридоре хлопнула дверь, кто-то прошел в ванную. Съёмная квартира жила своей отдельной, уставшей, чужой жизнью.

Алла села на кровати и обхватила колени руками.

Комната была маленькая. Шкаф, стол, кровать, стул и старые обои с едва заметным цветочным рисунком. В углу стояла сушилка с бельем. На подоконнике — кружка, учебник по техникам продаж, который Алла взяла в библиотеке, и

маленький кактус в треснувшем горшке.

Все ее большое имущество.

Вся ее независимость.

Все, что она смогла унести из прошлой жизни.

Телефон лежал под подушкой.

Алла достала его и включила.

Экран ослепил глаза.

Новых сообщений не было.

Почему-то это одновременно облегчило и разозлило.

— И слава богу, — прошептала она.

Но голос прозвучал неубедительно.

Она снова легла, натянула одеяло до подбородка и приказала себе спать.

Утро наступило слишком быстро.

Будильник прозвенел в шесть тридцать, и Алла почувствовала себя так, будто всю ночь не лежала, а таскала бетонные блоки на стройке. Голова гудела, глаза щипало, тело было ватным.

Она умылась холодной водой, собрала волосы, надела другую блузку — светло-голубую, тоже новую, но уже менее торжественную — и долго смотрела на себя в зеркало.

На лице не было ничего особенного.

Обычная девушка.

Двадцать три года.

Усталые глаза.

Чуть бледные губы.

Немного упрямый подбородок.

Но внутри что-то изменилось.

Вчера она шла в компанию с желанием понравиться, удержаться, пройти стажировку, доказать, что достойна.

Сегодня она шла туда как на поле боя.

Не с Орловым.

С самой собой.

Потому что больше всего Алла боялась не его власти, не его денег и даже не того интереса, который он проявлял.

Она боялась собственной реакции.

Того странного, предательского волнения, которое возникало рядом с ним.

Того, что сердце ускорялось не только от страха.

И это злило ее сильнее всего.

В метро было тесно. Люди стояли плечом к плечу, пахло духами, мокрыми зонтами и утренним раздражением. Алла держалась за поручень и повторяла про себя:

Он начальник. Ты стажерка. Тебе нужны деньги. Тебе нужна работа. Больше ничего.

На двадцать шестой этаж она поднялась ровно в восемь тридцать пять.

В офисе уже кипела жизнь.

Марина говорила по телефону, одновременно листая документы и показывая кому-то жестом, чтобы не мешали. Катя у кофемашины спорила с менеджером по ипотеке. Несколько сотрудников собрались у большого экрана, где

показывали презентацию нового жилого комплекса.

Алла прошла к своему месту, включила компьютер и только успела открыть папку с материалами, как рядом возникла Марина.

— Доброе утро, стажерка.

— Доброе утро.

— Выспалась?

Алла честно посмотрела на нее.

— Нет.

Марина прищурилась.

— Хорошо. Значит, начинаешь привыкать к работе.

Она положила на стол тонкую папку.

— Сегодня у нас небольшой квест.

У Аллы внутри что-то неприятно сжалось.

— Какой?

— Придет сложный клиент. Очень сложный. Формально он мой, но я хочу, чтобы ты присутствовала на встрече.

— Я?

— Ты. Будешь сидеть, слушать, записывать. Если попросят — ответишь на пару вопросов по «Северному парку».

— Но я еще не готова к клиентам.

— Никто никогда не готов. Потом привыкаешь делать вид.

Алла открыла папку.

Внутри была информация по клиенту: **Глеб Ильич Воронцов**, владелец сети строительных магазинов, интересу-

ется покупкой нескольких коммерческих помещений и квартир для инвестиций.

Сумма сделки могла быть огромной.

Очень огромной.

— Почему я? — тихо спросила Алла.

Марина посмотрела на нее так, будто вопрос был ожидаем.

— Потому что Артем Викторович попросил.

Сердце Аллы ударило один раз, тяжелее обычного.

— Он?

— Он.

— Зачем?

— Это надо у него спросить.

Марина наклонилась чуть ближе и понизила голос:

— Только я бы не советовала.

Алла почувствовала, как щеки начинают гореть.

Не от смущения.

От злости.

Значит, вот она, проверка.

Настоящая.

Ее даже не спросили. Просто поставили на доску и сделали ход.

— Я могу отказаться? — спросила Алла.

Марина выпрямилась.

— Можешь.

Алла посмотрела на нее с надеждой.

Но Марина тут же добавила:

— Теоретически. Практически — если в первый же нормальный рабочий день ты откажешься участвовать во встрече, которую согласовал генеральный, стажировка у тебя получится короткая и запоминающаяся.

Алла сжала ручку.

— Понятно.

— Алла, — Марина вдруг сказала мягче. — Ты только не делай из этого трагедию. Орлов любит проверять людей. Новеньких, стареньких, директоров, подрядчиков, всех. Иногда просто бросает в воду и смотрит, кто поплывет.

— А кто не поплывет?

— Тех больше не видно.

Марина похлопала пальцами по папке.

— Встреча в одиннадцать. До этого повтори коммерческие помещения, преимущества объекта, сроки сдачи, отделку, парковки и транспортную доступность. И главное — если не знаешь ответа, не выдумывай.

— А что говорить?

— «Я уточню и вернусь с точной информацией». Клиенты любят уверенных людей, но ненавидят уверенных идиотов.

Марина ушла.

Алла осталась сидеть с папкой перед собой.

Внутри кипело.

Хотелось подняться на тридцать восьмой этаж, войти в этот стеклянный кабинет и спросить: **зачем?**

Зачем он ее дергает?

Зачем смотрит?

Зачем пишет?

Зачем делает так, будто у него есть право расставлять ловушки на ее пути?

Но она не поднялась.

Потому что не была душой.

И потому что работа ей была нужна больше, чем гордое желание хлопнуть дверью.

Алла открыла материалы и начала читать.

Она читала так, будто от этого зависело все.

Цены. Площади. Планировки. Сдача первой очереди. Прогнозы по району. Школы, детские сады, новая развязка, станция метро в перспективе. Отдельные входы в коммерческие помещения. Высота потолков. Мощность электричества. Парковочные места.

Каждую цифру она выписывала.

Каждую формулировку проговаривала шепотом.

Катя несколько раз подходила и спрашивала, не хочет ли Алла кофе, но та только качала головой.

В половине одиннадцатого Марина вернулась.

— Готова?

— Нет.

— Отлично. Пошли.

— Но я сказала, что не готова.

— Я услышала. И сказала: отлично.

Они прошли в переговорную.

Это была большая комната со стеклянными стенами, длинным темным столом, экраном для презентаций и видом на город. В углу стоял графин с водой, чашки, кофе, несколько тарелок с печеньем, к которым, как казалось Алле, никто никогда не прикасался.

Марина включила экран, проверила презентацию, разложила бумаги.

— Сядешь справа от меня. Не сутулься. Не тереби ручку. Не показывай страх.

— Он так заметен?

Марина посмотрела на нее.

— У тебя на лице написано: «пожалуйста, не ешьте меня».

Алла нервно улыбнулась.

— Спасибо за поддержку.

— Я поддерживаю как умею.

Дверь открылась ровно в одиннадцать.

Сначала вошел мужчина лет пятидесяти пяти, плотный, широколицый, в дорогом, но слишком ярком синем костюме. За ним — молодой помощник с планшетом и женщина в строгом сером платье. Воронцов сразу занял комнату своим присутствием: громко поздоровался, крепко пожал Марине руку и посмотрел на Аллу так, будто она была частью интерьера.

— А это кто у нас? — спросил он.

Марина улыбнулась.

— Алла Смирнова, наш новый специалист на стажировке. Сегодня присутствует на встрече.

— Стажерка? — Воронцов хмыкнул. — На серьезные переговоры стажерок уже сажают?

Алла почувствовала, как внутри что-то кольнуло.

Марина не изменилась в лице.

— Мы выращиваем сильные кадры с первого дня.

— Это правильно, — Воронцов сел во главе стола, хотя это место ему никто не предлагал. — Сейчас молодежь нежная пошла. Чуть что — выгорание, психолог, ретрит.

Помощник тихо усмехнулся.

Алла опустила глаза к блокноту.

Марина начала презентацию.

Говорила она великолепно: уверенно, спокойно, с точными паузами. Она не продавала объект, она будто показывала клиенту то, что он сам давно хотел купить, но пока не решался признать.

Воронцов перебивал.

Задавал каверзные вопросы.

Сомневался в сроках.

Критиковал подъездные пути.

Сравнивал цены с конкурентами.

Несколько раз бросал взгляд на Аллу и ухмылялся, будто ждал, когда она начнет нервничать.

Она записывала все.

И молчала.

Пока вопрос не прилетел прямо в нее.

— А вы, Алла, — Воронцов откинулся на спинку кресла, — как считаете, кто купит коммерцию на первом этаже второго корпуса? Только не по бумажке. Сами скажите. Вы же молодая, должны понимать аудиторию.

Марина на секунду повернула голову.

Алла подняла взгляд.

В комнате стало тихо.

Она могла сказать заученную фразу: «Помещения подойдут для аптек, кофеен, пунктов выдачи и небольших сервисных компаний».

Правильно.

Безопасно.

Пусто.

Но Воронцов явно ждал не этого.

Ждал, что она растеряется.

И где-то за этой встречей, за стеклянными стенами, за невидимой нитью контроля, Алла почти физически чувствовала присутствие Орлова.

Настоящая проверка.

Она выпрямилась.

— Я думаю, первыми туда зайдут не кофейни.

Воронцов прищурился.

— Вот как?

Марина чуть заметно напряглась.

— Да, — сказала Алла. — Кофейням нужна сформир-

рованная привычка жителей. Утренний трафик, маршруты, точки притяжения. А на старте заселения людям в первую очередь нужны бытовые вещи. Пункты выдачи, мини-маркет, аптека, товары для ремонта, детские секции, возможно, частный кабинет врача или небольшая лаборатория. Люди будут обживаться, делать ремонты, заводить детей в сад, искать рядом то, что экономит им время. Кофейня появится потом, когда район начнет жить не только нуждой, но и комфортом.

Воронцов молчал.

Алла продолжила, уже чувствуя, как дрожь уходит из голоса:

— Поэтому, если смотреть как инвестор, я бы не оценивала помещение только по текущему пешеходному потоку. Его пока нет в полной силе. Я бы смотрела на то, какие ежедневные проблемы появятся у жителей в первые полгода после заселения. Кто решит эти проблемы быстрее — тот и станет якорем.

Марина медленно повернулась к ней.

Воронцов постучал пальцем по столу.

— Интересно. А вы откуда такая умная?

Алла спокойно ответила:

— Из съемной комнаты на окраине. Там хорошо понимаешь, какие сервисы нужны рядом с домом.

На секунду наступила тишина.

А потом Воронцов рассмеялся.

Громко.

И неожиданно искренне.

— Хорошая девка! Марина, где взяли?

— Сама пришла, — сухо сказала Марина.

— Сама? Это редкость.

Помощник что-то быстро записал в планшете.

Женщина в сером платье посмотрела на Аллу уже иначе

— не как на лишнего человека, а как на участника разговора.

Встреча продолжилась.

И теперь Воронцов время от времени обращался к Алле.

Не всегда просто.

Иногда с подвохом.

Но она держалась.

Не идеально. Один раз перепутала высоту потолков. Один раз не смогла точно ответить по срокам подключения дополнительной мощности и сказала, как учила Марина:

— Я уточню и вернусь с точной информацией.

Воронцов кивнул.

— Хоть не врите. Уже плюс.

К концу встречи Алла чувствовала себя выжатой. Спина болела от напряжения, голова гудела, но внутри было странное, почти горячее чувство.

Она справилась.

Не блестяще.

Не безупречно.

Но справилась.

Когда клиенты ушли, Марина закрыла дверь переговорной и несколько секунд молчала.

Алла не выдержала:

— Я сильно напортачила?

Марина посмотрела на нее.

— Нет.

— Правда?

— Правда.

— А почему у вас лицо такое, будто я разбила вазу за миллион?

Марина подошла к столу, начала собирать бумаги.

— Потому что теперь ты ему точно интересна.

Алла замерла.

— Воронцову?

Марина подняла глаза.

— Орлову.

В животе стало холодно.

— Он смотрел?

— А ты думала, он просто так отправил тебя на встречу?

Марина кивнула на темный прямоугольник в углу под потолком.

Камера.

Алла почувствовала, как кровь отхлынула от лица.

— Он наблюдал?

— За встречей, Алла. Не за тобой лично.

Но прозвучало это неубедительно.

Алла сжала папку так сильно, что бумага хрустнула.

— Это нормально?

Марина устало вздохнула.

— Для этой компании — да.

— А для людей?

— Люди тут иногда заканчиваются на уровне ресепшена.

Алла медленно поставила папку на стол.

— Мне это не нравится.

— Мне многое не нравится. Но я работаю здесь семь лет, потому что ипотека любит стабильность.

Марина подошла ближе.

— Послушай меня внимательно. Сегодня ты молодец. Без шуток. Я думала, ты поплывешь. Ты не поплыла. Но теперь будь аккуратнее. Орлов ценит характер. А еще сильнее он любит его ломать.

— Зачем?

— Потому что так он понимает, что человек принадлежит системе.

Алла посмотрела на город за стеклом.

— Я не вещь.

Марина тихо сказала:

— Тогда докажи это не словами.

После обеда Аллу словно подменили.

Она работала быстро, почти зло. Уточнила мощность по коммерческим помещениям. Составила короткую записку по вопросам Воронцова. Отправила Марине. Перепровери-

ла цены. Внесла правки в таблицу.

Ей хотелось занять голову чем угодно, лишь бы не думать о камере.

О том, что он смотрел.

О том, что он видел ее замешательство, ее ответы, ее попытку держаться.

О том, что, возможно, именно этого и добивался.

В четыре часа на корпоративную почту пришло письмо.

От: **А.В. Орлов**
 Тема: **Стажировка**

Алла несколько секунд смотрела на экран, не решаясь открыть.

Потом нажала.

В письме было всего три строки:

**Алла Сергеевна,
 зайдите ко мне сегодня в 18:00.
 А.В. Орлов**

Ни «пожалуйста».

Ни объяснений.

Ни возможности отказаться.

Просто команда.

Она перечитала письмо трижды.

Катя, сидевшая рядом, заметила ее лицо.

— Что случилось?

Алла повернула монитор чуть в сторону.

Катя прочитала и тихо присвистнула.

— Ого.

— Это плохо?

— Это... необычно.

— Катя.

— Я не знаю, Алла. Честно. Он редко вызывает стажеров лично.

— А если я не пойду?

Катя посмотрела на нее как на человека, который предложил прыгнуть с крыши и посмотреть, получится ли взлететь.

— Не советую.

До шести время тянулось мучительно.

Каждая минута была как маленький камень в груди.

В пять пятьдесят Марина подошла к ее столу.

— Идешь?

Алла подняла глаза.

— Вы знаете?

— Конечно.

— Он вам сказал?

— Мне не надо говорить. Когда Орлов вызывает человека, это через пять минут знает половина офиса, а вторая половина делает вид, что не знает.

Алла усмехнулась, но улыбка вышла кривой.

— Прекрасно.

Марина положила перед ней папку.

— Возьми отчет по Воронцову. Пусть будет деловой повод.

— А если повод не деловой?

Марина задержала на ней взгляд.

— Тогда сделай его деловым.

Эта фраза почему-то помогла.

Алла взяла папку, встала и пошла к лифтам.

Каждый шаг отдавался в груди.

Двадцать шестой этаж.

Лифт.

Тридцать восьмой.

Двери открылись в другой мир.

Здесь было тихо.

Слишком тихо.

Не звонили телефоны. Не смеялись сотрудники. Не шелкали десятки клавиатур. На полу лежал мягкий темный ковер, стены были отделаны деревом и стеклом, свет был приглушенным, теплым, почти вечерним.

За стойкой сидела секретарь — женщина лет сорока с гладкой прической и безупречной осанкой.

— Алла Смирнова? — спросила она.

— Да.

— Артем Викторович вас ждет.

Она нажала кнопку на телефоне.

— Проходите.

Дверь в кабинет была высокой, тяжелой, темной.

Алла постучала.

— Войдите.

Она вошла.

Кабинет Орлова был огромным.

Панорамные окна во всю стену. Город внизу, уже затянутый вечерней дымкой. Большой стол из темного дерева. Кожаные кресла. Стеллажи с папками, книгами, макетами зданий. На стене — черно-белые фотографии строек: краны, бетон, рабочие, недостроенные этажи, голые конструкции будущих домов.

Здесь все говорило о власти.

Не показной.

Настоящей.

Власти человека, который привык начинать с пустого участка земли и через несколько лет ставить там целый квартал.

Орлов стоял у окна спиной к ней.

Пиджак был снят, рубашка идеально сидела на широких плечах, рукава закатаны до локтей. В руке он держал стакан с водой.

— Садитесь, Алла.

Она не села.

— Я принесла отчет по встрече с Воронцовым.

Он повернулся.

Взгляд сразу нашел ее лицо.

— Я просил сесть.

— А я хотела бы сначала понять, зачем вы меня вызвали.

Тишина стала плотной.

Секунды три он просто смотрел на нее.

Потом медленно поставил стакан на стол.

— Вы всегда спорите с руководством?

— Только когда не понимаю распоряжения.

— Это не спор?

— Это попытка разобраться.

Он подошел к столу, сел в кресло и указал на место напротив.

— Тогда разбирайтесь сидя.

Алла села.

Положила папку на колени, как щит.

Орлов заметил.

Конечно заметил.

— Вы хорошо провели встречу.

— Я почти ничего не проводила. Вела Марина.

— Но Воронцов запомнил вас.

— Не уверена, что это моя заслуга.

— Вы хотите, чтобы я вас переубедил?

— Я хочу понять, почему стажерку посадили на встречу такого уровня.

Он чуть откинулся в кресле.

— Потому что я хотел посмотреть, как вы реагируете на давление.

— И?

— Вы не сломались.

Алла посмотрела ему прямо в глаза.

— Вас это разочаровало?

В кабинете повисла пауза.

А потом он снова улыбнулся.

Той самой едва заметной улыбкой, которая не грела, а тревожила.

— Наоборот.

— Тогда зачем вы написали мне вчера?

— Чтобы вы не расслаблялись.

— Откуда у вас мой личный номер?

— Из анкеты сотрудника.

— Я давала его компании, а не лично вам.

В его взгляде мелькнуло что-то темное.

Не злость.

Интерес.

Более острый, чем прежде.

— Вы считаете, я нарушил границу?

— Да.

Слово прозвучало громче, чем она ожидала.

И теперь отступить было некуда.

Орлов молчал.

Алла чувствовала, как сердце бьется где-то в горле, но продолжила:

— Я пришла сюда работать. Учиться. Зарабатывать. Я готова к сложным задачам, к проверкам, к ошибкам, к жесткой обратной связи. Но я не хочу получать личные сообщения от генерального директора после рабочего дня без деловой причины.

Он смотрел на нее не мигая.

— Смело.

— Нет. Нормально.

— Для вас нормально говорить так человеку, от которого зависит ваша стажировка?

— Для меня нормально не делать вид, что мне комфортно, если мне некомфортно.

Орлов медленно провел большим пальцем по краю стакана.

— А если я скажу, что в этой компании комфорт никому не обещали?

— Тогда я скажу, что уважение к личным границам не имеет отношения к комфорту.

Она сама не знала, откуда в ней взялись эти слова.

Может, от бессонной ночи.

Может, от злости.

Может, от страха снова оказаться в чьей-то власти.

Но она сказала.

И теперь сидела напротив него, с прямой спиной и холодными пальцами, сжимавшими папку.

Орлов встал.

Алла напряглась, но не отвела взгляд.

Он обошел стол, подошел к окну и снова посмотрел на город.

— Вы знаете, сколько человек хочет попасть в эту компанию?

— Предполагаю, много.

— Очень много. И большинство из них готовы улыбаться, соглашаться, терпеть, подстраиваться. Они называют это карьерой.

— А вы?

— Я называю это реальностью.

— А я не хочу становиться удобной частью чьей-то реальности.

Он повернулся.

— Вы очень уверены в себе для человека, который пришел вчера.

— Нет, Артем Викторович. Я очень боюсь. Просто я уже знаю, что будет, если молчать.

Вот это он услышал иначе.

Алла поняла по его лицу.

На мгновение маска властного, холодного руководителя стала тоньше. Не исчезла, но под ней проступило что-то человеческое. Может, любопытство. Может, понимание. Может, воспоминание, которого она не могла знать.

— Кто вас так научил? — тихо спросил он.

Алла сжала губы.

— Это не относится к работе.

— Верно.

Он кивнул.

— Не относится.

Он вернулся за стол, сел и открыл папку, лежавшую перед ним.

— Тогда к работе. С завтрашнего дня вы будете помогать Марине по Воронцову. Все уточнения, сводные таблицы, первичная аналитика, ответы на технические вопросы — через вас.

Алла моргнула.

— Через меня?

— Да.

— Но я стажерка.

— Именно поэтому будете учиться быстрее.

— А если я не справлюсь?

— Справитесь.

— Вы не можете этого знать.

— Могу.

Она нахмурилась.

— Почему?

Он посмотрел на нее прямо.

— Потому что люди, которым есть что терять, учатся быстрее остальных.

Эти слова попали точно.

Слишком точно.

Алла вдруг разозлилась снова.

— Вы любите давить на больное?

— Я люблю видеть правду.

— Иногда это одно и то же.

— Возможно.

Он закрыл папку.

— Ваш рабочий день закончен.

Алла не сразу поняла, что встреча окончена.

— Все?

— Все.

Она встала.

— Тогда до свидания.

— Алла.

Она остановилась у двери.

Не обернулась сразу.

— Да?

— Личных сообщений больше не будет.

Она медленно повернулась.

Он сидел за столом спокойно, почти официально.

— Спасибо.

— Но рабочие письма будут. Много.

— К рабочим письмам претензий нет.

— Посмотрим.

Алла открыла дверь.

И уже выходя, услышала:

— И еще.

Она замерла.

— Сегодня вы были правы.

Она обернулась.

— В чем?

— В том, что вы не добыча.

Сердце дернулось.

Орлов смотрел на нее без улыбки.

— Добыча не спорит.

Алла не нашлась, что ответить.

Она вышла из кабинета и закрыла за собой дверь.

В коридоре было тихо. Секретарь подняла глаза, но ничего не сказала. Лифт пришел почти сразу.

Только когда двери закрылись, Алла позволила себе приклониться к стенке.

Руки дрожали.

Она победила?

Нет.

Это не было победой.

Скорее первым ударом, после которого оба поняли: игра будет сложнее, чем казалось.

Она спустилась на двадцать шестой этаж, забрала сумку. Почти все уже ушли. Катя сидела за своим столом и делала вид, что работает, хотя явно ждала ее.

— Ну? — прошептала она.

— Жива.

— Это уже хорошо.

— И у меня теперь Воронцов.

Катя раскрыла глаза.

— Что?

— Я буду помогать Марине по сделке.

Катя тихо выругалась.

— Алла, это же огромный шанс.

— Или огромная яма.

— В этой компании одно часто маскируется под другое.

Алла устало улыбнулась.

— Я уже заметила.

Она вышла из офиса в половине восьмого.

На улице было прохладно. Дождя не было, но асфальт еще блестел после вчерашней непогоды. Алла шла к метро и впервые за день чувствовала не страх, а странную ясность.

Да, Орлов опасен.

Да, он играет.

Да, он смотрит на нее не так, как должен смотреть генеральный директор на стажерку.

Но она сказала ему «нет».

И он услышал.

Пока услышал.

Телефон завибрировал.

Алла остановилась.

На экране высветилось имя.

Мама.

Она выдохнула и ответила:

— Привет, мам.

— Аллочка, ты не занята?

Голос матери был слишком ласковым.

Алла сразу напряглась.

— Я с работы иду. Что случилось?

— Да ничего страшного. Просто... понимаешь... у нас тут

маленькая проблема.

Алла закрыла глаза.

— Какая?

— Долг за комнату опять поднялся. Хозяйка ругается. Говорит, если до понедельника не заплатим, выселит.

— Мам, я же переводила тебе на прошлой неделе.

— Ну я отдала часть за лекарства, часть Димке на учебу, там еще продукты...

— Сколько нужно?

Мать замолчала.

И это молчание было хуже любого ответа.

— Мам. Сколько?

— Тридцать восемь тысяч.

Алла остановилась посреди тротуара.

Люди обходили ее, кто-то задел плечом, кто-то недовольно цокнул языком.

— Тридцать восемь? — тихо повторила она.

— Аллочка, я знаю, что много. Но ты же теперь в такой компании работаешь. Может, аванс дадут? Или премию? Ты же умница, у тебя получится.

Алла смотрела на огни машин и чувствовала, как ее недавняя уверенность рассыпается мелкой пылью.

Тридцать восемь тысяч.

У нее на карте было четыре тысячи шестьсот.

До первой выплаты еще далеко.

— Я подумаю, — сказала она.

— Ты только не злилась, доченька. Я же не для себя.

— Я знаю.

— Ты у меня сильная.

Алла едва не рассмеялась.

Сильная.

Все так удобно называли ее сильной именно в те моменты, когда хотели положить на ее плечи еще что-нибудь тяжелое.

— Я перезвоню.

Она отключила звонок и несколько секунд просто стояла.

Потом пришло второе сообщение.

Не от Орлова.

От неизвестного номера.

«Алла, это Максим. Я знаю, что ты устроилась в Гранит. Нам надо поговорить. Ты не понимаешь, с кем связалась.»

У Аллы похолодели руки.

Максим.

Ее бывший.

Тот самый, который сказал, что она без него никто.

Откуда он узнал?

И почему пишет именно сейчас?

Она перечитала сообщение.

Потом еще раз.

И вдруг за спиной раздался знакомый мужской голос:

— Проблемы?

Алла резко обернулась.

У тротуара стоял черный автомобиль.

Заднее стекло было опущено.

Внутри сидел Артем Викторович Орлов.

Без галстука.

С тем же спокойным, внимательным взглядом.

Алла сжала телефон в руке.

— Нет.

Он посмотрел на ее лицо.

Потом на телефон.

Потом снова на нее.

— Вы плохо врете.

— Я вообще не обязана вам ничего объяснять.

— Верно.

Пауза.

Машины шуршали по мокрой дороге.

Люди проходили мимо, не замечая, как посреди вечернего города снова натянулась невидимая нить между стажеркой и ее боссом.

Орлов открыл дверь.

— Садитесь. Я подвезу.

Алла отступила на шаг.

— Мы уже это обсуждали.

— Тогда я предложу иначе. Вы садитесь в машину не потому, что я так сказал. А потому что сейчас у вас лицо человека, который получил плохую новость и может сесть не в тот автобус, выйти не там и всю дорогу думать о том, как

завтра держаться на ногах.

Она ненавидела то, что он оказался близок к правде.

— Я доеду сама.

— Упрямство — не всегда сила, Алла.

Она подняла подбородок.

— А контроль — не всегда забота, Артем Викторович.

И пошла к метро.

Быстро.

Почти бегом.

Не оборачиваясь.

Но уже у входа в подземный переход она не выдержала и посмотрела назад.

Черная машина все еще стояла у тротуара.

Орлов смотрел ей вслед.

И в этот момент Алла поняла страшную вещь.

Она могла сколько угодно повторять, что не будет добычей.

Но охотник уже не просто наблюдал.

Он начал узнавать ее слабые места.

А где-то рядом, в темноте ее прошлого, снова появился Максим.

И это значило, что настоящие неприятности только начинались.

Глава 3. Следы прошлого

В метро Алла спустилась почти бегом.

Не потому что торопилась.

А потому что боялась обернуться.

Ей казалось, если она снова посмотрит назад, то увидит у тротуара черный автомобиль с опущенным стеклом. Увидит спокойное лицо Артема Викторовича Орлова. Его взгляд. Не грубый, не навязчивый, даже не откровенно властный, а намного хуже — понимающий.

Такой взгляд был опаснее приказа.

Приказу можно сопротивляться. Можно сказать «нет». Можно развернуться, хлопнуть дверью, пожаловаться, бежать.

А пониманию сопротивляться сложнее.

Особенно если человек, который смотрит на тебя, видит не только то, что ты показываешь, но и то, что из последних сил пытаешься скрыть.

Алла прошла через турникеты, спустилась по эскалатору, вошла в вагон и встала у двери. Люди теснились вокруг нее: кто-то листал ленту в телефоне, кто-то слушал музыку, кто-то устало держал пакет с продуктами, ребенок в коляске капризно хныкал, женщина рядом раздраженно вздыхала.

Обычная вечерняя толпа.

Обычная жизнь.

Но у Аллы в руках был телефон, а на экране — два разных удара сразу.

Мама.

Тридцать восемь тысяч.

И Максим.

«Ты не понимаешь, с кем связалась.»

Она перечитала сообщение еще раз.

Потом выключила экран.

Потом снова включила.

Словно буквы могли измениться, если смотреть на них достаточно долго.

Не изменились.

Максим.

Пять букв, после которых внутри все сжималось старой, неприятной болью.

Она не любила вспоминать его.

Слишком много времени потратила, чтобы перестать вздрагивать от чужих шагов в коридоре. Слишком много ночей убеждала себя, что не виновата. Что не обязана была терпеть. Что не должна была благодарить за крышу над головой, если под этой крышей ее каждый день ломали маленькими, почти незаметными словами.

Максим не бил ее.

И именно поэтому долго казалось, что жаловаться не на что.

Он просто умел делать так, чтобы Алла сомневалась во

всем.

В своем уме. В своей внешности. В своих способностях.
В своих желаниях.

— Ты слишком чувствительная, — говорил он, когда она обижалась.

— Ты неправильно поняла, — говорил он, когда она лопила его на лжи.

— Да кому ты нужна, кроме меня? — говорил он почти ласково, когда она собирала вещи после очередной ссоры.

А в самый последний день он сидел на кухне, пил чай из ее любимой кружки и спокойно сказал:

— Уйдешь? Иди. Через неделю вернешься. Ты без меня никто. Даже работу нормальную не найдешь.

Она тогда не ответила.

Только закрыла сумку.

Потому что если бы ответила, то заплакала бы.

А она не хотела дарить ему свои слезы.

С тех пор прошло восемь месяцев.

Восемь месяцев, за которые Алла сменила три временные подработки, переехала в съемную комнату, научилась экономить на всем, кроме проезда, перестала покупать кофе навынос и привыкла жить так, будто каждый день — экзамен на выживание.

И вот теперь, когда у нее наконец появился шанс выбраться, Максим снова возник.

Не случайно.

Он никогда не появлялся случайно.

Вагон дернулся, кто-то наступил Алле на ногу.

— Девушка, проходите дальше, — буркнул мужчина рядом.

— Простите.

Она отступила, прижалась спиной к поручню и набрала короткий ответ:

«Нам не о чем говорить.»

Палец завис над кнопкой отправки.

Секунда.

Другая.

Она стерла.

Написала снова:

«Откуда ты знаешь, где я работаю?»

И тоже стерла.

Потом просто заблокировала телефон и сунула его в сумку.

Не сегодня.

Сегодня она не даст прошлому вытащить себя обратно.

Но прошлое, как назло, уже держало ее за край рукава.

Домой она вернулась около девяти.

В квартире пахло жареной картошкой и дешевым освежителем воздуха. Из комнаты соседки доносился громкий смех и звук сериала. В ванной шумела вода. На кухне, за маленьким столом, сидел сосед Павел — худой программист с вечными синяками под глазами — и ел лапшу прямо из ка-

стриули.

— О, новая карьеристка пришла, — сказал он без злобы.

— Не начинай.

— Первый миллион уже получила?

— Да. Мелкими купюрами. Несу в чемодане.

Павел усмехнулся.

— Чай будешь?

— Нет. Спасибо.

Алла прошла в свою комнату, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной.

Тишина.

Наконец-то.

Она скинула туфли, поставила сумку на стул и села на кровать.

Тело устало так, будто день длился не двенадцать часов, а целую неделю. Но мысли не собирались останавливаться.

Мама.

Максим.

Орлов.

Долг.

Работа.

Границы.

Воронцов.

Все переплелось в тугой узел.

Алла достала телефон и открыла банковское приложение.

Четыре тысячи шестьсот двадцать рублей.

До зарплаты далеко.

Аванс стажеру? Возможно. Но просить в первые дни? У кого? У Марины? У бухгалтерии? У Орлова?

От одной мысли об Орлове внутри неприятно кольнуло.

Нет.

Только не он.

Она не даст ему увидеть еще одно слабое место.

Не даст.

Телефон снова завибрировал.

Алла вздрогнула.

На экране высветилось:

Максим.

Звонок.

Она смотрела на имя, пока оно прыгало на экране, и не двигалась.

Телефон замолчал.

Через пять секунд пришло сообщение.

«Не строй из себя гордую. Я не враг тебе. Орлов опасный человек. Я знаю, что говорю.»

Алла медленно вдохнула.

Пальцы сами набрали:

«Оставь меня в покое.»

На этот раз она отправила.

Ответ пришел почти сразу.

«Не могу. Ты влезла туда, где не выживешь. И он тебя сожрет.»

Алла стиснула зубы.

«Меня уже пытались сожрать. Не получилось.»

Она нажала отправить и тут же пожалела. Слишком эмоционально. Слишком много. Максим обязательно зацепится.

Так и случилось.

«Это ты про меня? Серьезно? Алла, давай без драмы. Я тебе помочь хочу.»

Алла рассмеялась.

Коротко.

Горько.

Без радости.

Помочь.

Как удобно это звучало из уст человека, который когда-то называл контроль заботой, ревность любовью, а унижение — честностью.

Она выключила телефон и бросила его на кровать.

Потом встала, подошла к окну.

Двор был темный. Под фонарем мокро блестела лавочка. У подъезда курили двое мужчин. В окнах соседнего дома горел теплый желтый свет — там кто-то ужинал, кто-то укладывал детей, кто-то смотрел новости, кто-то ругался, кто-то смеялся.

А Алла стояла в своей маленькой комнате и впервые за долгое время почувствовала себя не просто уставшей.

Загнанной.

Слово было неприятное, но точное.

Будто с одной стороны на нее давили долги и семья, с другой — прошлое, с третьей — новая работа, где каждый шаг кто-то оценивал.

А впереди стоял Артем Орлов.

С человеком вроде него нельзя было просто «не связываться».

Он уже заметил.

Уже вмешался.

Уже начал менять ее траекторию.

Алла легла поздно, но снова почти не спала.

Утром она проснулась от стука в дверь.

— Алл, ты живая? — голос Павла.

— Что?

— Тебе там курьер какой-то.

Алла резко села.

— Курьер?

— Ну да. Цветы принес. Или веник дорогой. Я не разбираюсь.

Цветы.

У нее внутри все оборвалось.

Она накинула халат, вышла в коридор.

У входной двери стоял парень в куртке службы доставки и держал огромный букет белых роз. Такой большой, что в их тесном коридоре он выглядел почти нелепо. Соседка Лида уже выглядывала из кухни, Павел стоял рядом с кастрюлей в руках и с нескрываемым интересом наблюдал.

— Алла Смирнова? — спросил курьер.

— Да.

— Вам доставка. Распишитесь.

— От кого?

— Здесь открытка.

Алла взяла маленький белый конверт.

Пальцы похолодели.

Она уже знала.

Знала, что там будут инициалы. Или одна короткая фраза.

Или что-то такое, от чего ей снова захочется одновременно злиться и дрожать.

Она открыла конверт.

На плотной карточке было написано:

«Я же говорил, ты вернешься к красивой жизни.

Максим.»

Алла застыла.

Не Орлов.

Максим.

Павел вытянул шею.

— От поклонника?

Алла резко сложила карточку.

— Ошибка доставки.

— Там ваше имя.

— Значит, ошибка отправителя.

Она посмотрела на курьера.

— Я не приму.

Парень растерялся.

— Но доставка оплачена.

— Мне все равно. Возвращайте.

— Девушка, я не могу просто...

— Можете поставить их у мусорки, подарить кому угодно,

вернуть, выбросить. Я не приму.

Курьер пожал плечами, явно не желая спорить с женщиной в халате и с лицом человека на грани убийства.

— Как скажете.

Он ушел вместе с букетом.

Лида в кухне цокнула языком.

— Ну ты даешь. Розы-то дорогие.

Алла посмотрела на нее.

— Потому и не взяла.

Она вернулась в комнату и закрыла дверь.

Руки тряслись.

Максим знал адрес.

Не только место работы.

Адрес.

Она села на кровать, открыла телефон и впервые за долгое время зашла в переписку с ним.

«Откуда у тебя мой адрес?»

Ответ пришел через минуту.

«Не драматизируй. Я просто хотел сделать приятно.»

«Откуда адрес?»

«У нас общие знакомые.»

«Какие?»

«Алла, успокойся. Я не маньяк.»

Она смотрела на эту фразу и чувствовала, как внутри поднимается ледяная злость.

Так всегда.

Сначала он нарушал границу.

Потом называл ее реакцию истерикой.

Она набрала:

«Еще раз появишься у моей квартиры, напишешь, пришлешь что-то или передашь кому-то мой адрес — я обращусь в полицию.»

Ответ пришел не сразу.

И от этого стало страшнее.

Через пять минут:

«Ты сильно изменилась.»

Алла ответила:

«Да.»

Потом заблокировала его номер.

Сидела еще минуту.

И разблокировала.

Не потому что хотела общаться.

А потому что знала: иногда опаснее не видеть, что человек пишет.

Она собралась на работу молча и быстро.

Сегодня она надела черное платье-футляр, которое рань-

ше считала слишком строгим для стажерки. Волосы собрала в гладкий хвост. Накрасила ресницы чуть темнее обычного.

В зеркале на нее смотрела девушка, которую можно было принять за спокойную.

Это устраивало.

В офис она приехала раньше всех.

На двадцать шестом этаже было почти пусто. Уборщица протирала столы. Где-то гудел принтер. За окнами поднималось бледное утро.

Алла включила компьютер и сразу открыла файл по Воронцову.

Работа.

Только работа.

Если держаться за цифры, таблицы, сроки и планы, можно не думать о том, что за пределами офиса кто-то знает ее адрес.

Через полчаса пришла Катя.

— Ты чего такая ранняя?

— Не спалось.

Катя поставила сумку на стол и внимательно посмотрела на нее.

— Что-то случилось?

Алла хотела сказать «нет».

Но устала.

Очень устала все держать в себе.

— Бывший объявился.

Катя поморщилась.

— Плохой бывший?

— Хороших бывших, которые присылают цветы на адрес, который ты им не давала, обычно не бывает.

— Ого.

— Да.

Катя села рядом на край стола.

— Он угрожает?

— Не напрямую. Пишет, что хочет помочь. Что Орлов опасен. Что я не понимаю, куда попала.

Катя перестала улыбаться.

— Он знает Орлова?

— Не знаю.

— А кто твой бывший?

Алла замялась.

— Максим Лазарев. Раньше работал в недвижимости. Потом вроде ушел в какую-то инвестиционную историю. Мы давно не общаемся.

Катя побледнела едва заметно.

Но Алла заметила.

— Ты его знаешь?

— Нет. Лично нет.

— Катя.

— Я слышала фамилию.

— Где?

Катя оглянулась, будто боялась, что их кто-то услышит.

— Несколько лет назад был скандал. Не очень громкий, его быстро замяли. Какая-то история с подрядчиками, подставными договорами, выводом денег. Вроде там фигурировала фамилия Лазарев. Но я могу ошибаться.

Алла почувствовала, как в груди похолодело.

— В «Граните»?

Катя молчала.

Ответ был и так понятен.

— Он работал здесь?

— Не знаю точно. Алла, я тогда была совсем новым менеджером, до нас доходили только слухи. Марина может знать больше.

Алла посмотрела в сторону кабинета Марины.

— Спроси ее осторожно, — сказала Катя. — Не в лоб. Здесь прошлое иногда кусается сильнее настоящего.

Но осторожно не получилось.

Марина пришла в девять пятнадцать, с кофе, телефоном у уха и таким лицом, будто уже успела мысленно уволить половину отдела.

Алла дождалась, пока она закончит разговор, подошла и тихо сказала:

— Можно вас на минуту?

Марина посмотрела на нее поверх стакана.

— Если это по Воронцову — через десять минут планерка.

— Это не по Воронцову.

Что-то в голосе Аллы заставило Марину остановиться.

— Пойдем.

Они вошли в маленькую переговорную.

Марина закрыла дверь.

— Что случилось?

Алла не стала ходить вокруг.

— Вы знаете Максима Лазарева?

Лицо Марины изменилось.

Незаметно для чужого человека.

Но Алла уже успела научиться замечать паузы.

— Откуда ты знаешь это имя?

— Это мой бывший.

Марина поставила кофе на стол.

— Вот как.

— Он написал мне вчера. Сказал, что я не понимаю, с кем связалась. Сегодня прислал цветы домой. Адрес я ему не давала.

— Ты с ним общалась после расставания?

— Нет.

— Когда расстались?

— Восемь месяцев назад.

Марина прошлась по переговорной, остановилась у окна.

— Алла, слушай внимательно. Максим Лазарев раньше действительно был связан с «Гранитом». Неофициально. Через одну подрядную структуру. Он был не главным, скорее посредником, но очень наглым и очень скользким.

— Что случилось?

— Деньги исчезли. Документы всплыли. Подрядчик рухнул. Несколько человек уволили. Орлов тогда чуть не потерял крупный проект.

— Максим виноват?

— Официально — нет. Неофициально — многие уверены, что он был частью схемы.

Алла медленно опустилась на стул.

В голове все стучало.

Максим знал Орлова.

Орлов мог знать Максима.

И она оказалась между ними, даже не понимая, когда это произошло.

— Орлов знает, что я... — она не договорила.

— Не знаю, — сказала Марина. — Но если не знает, скоро узнает.

— Почему?

Марина посмотрела на нее тяжело.

— Потому что в этой компании чужие тайны долго не живут.

Алла сжала руки.

— Что мне делать?

Марина впервые за все время не ответила сразу.

И это было страшнее всего.

Потом сказала:

— Работать. Не паниковать. Сохранять все сообщения.

Не встречаться с Лазаревым одной. И не позволяй Орлову узнать это от кого-то другого.

Алла подняла глаза.

— Вы предлагаете мне самой ему рассказать?

— Я предлагаю тебе не ждать, пока это станет оружием в чужих руках.

— Но это моя личная жизнь.

— Была. До тех пор, пока твоя личная жизнь не начала пересекаться с внутренними скандалами компании.

Алла встала.

— Прекрасно. То есть я только пришла, а уже должна объяснять генеральному, почему когда-то встречалась не с тем человеком?

— Нет. Ты никому ничего не должна. Но ты должна понимать последствия.

Марина подошла ближе.

Голос стал тише.

— Алла, я не на стороне Орлова. И не на стороне компании. Я на стороне здравого смысла. Если Лазарев снова крутится рядом, это не просто бывший парень с цветами. Он что-то хочет.

— От меня?

— Может, не только.

В дверь постучали.

— Марина, планерка, — послышался голос Кати.

— Иду.

Марина открыла дверь, но перед выходом обернулась к Алле.

— И еще. Если он написал тебе про Орлова, значит, он хочет, чтобы ты испугалась именно Орлова. Подумай, зачем.

Планерка прошла как в тумане.

Алла сидела с блокнотом, делала пометки, отвечала на вопросы Марины по Воронцову, но мысли все время возвращались к одному:

Максим хочет, чтобы я боялась Орлова.

Но она и так боялась.

Только не так, как Максим ожидал.

Она боялась не того, что Орлов причинит ей вред.

Она боялась, что рядом с ним слишком легко забыть о вреде.

В обед Марина отправила ее в технический отдел за планами коммерческих помещений.

— Отнесешь потом на тридцать восьмой, — сказала она слишком буднично.

Алла подняла голову.

— Зачем?

— Орлов запросил обновленную сводку по Воронцову. Скажешь, что от меня.

— Может, отправить по почте?

— Можно. Но он просил бумажный вариант.

Конечно.

Бумажный.

В век электронных документов генеральный директор внезапно захотел бумажный вариант.

Алла почти рассмеялась.

— Понятно.

— Алла, — Марина задержала ее взглядом. — Реши сама, говорить или нет. Но если решишь, говори спокойно. Без оправданий.

— А если он решит, что я как-то связана с Максимом?

— Ты связана. Прошлым.

— Это не преступление.

— Тогда не веди себя как виноватая.

К трем часам папка была готова.

Алла взяла ее, прошла к лифтам и нажала кнопку.

На этот раз подъем на тридцать восьмой этаж казался не просто дорогой к кабинету начальника.

А дорогой туда, где ее прошлое могло взорваться прямо в руках.

Секретарь встретила ее ровно.

— Артем Викторович ждет.

Алла уже не удивилась.

Конечно, ждет.

Она постучала.

— Войдите.

Орлов сидел за столом, разговаривал по телефону. На нем был темно-синий костюм, белая рубашка без галстука. Он поднял глаза, увидел Аллу и жестом указал на кресло.

Она села.

— Нет, — говорил он в трубку спокойно, но так холодно, что у Аллы невольно сжались плечи. — Меня не интересуют объяснения. Меня интересует результат. У вас было три недели. Завтра в девять я хочу видеть решение. Не обещание. Решение.

Он отключил звонок и положил телефон экраном вниз.

— Алла Сергеевна.

— Артем Викторович.

Она протянула папку.

— Обновленная сводка по Воронцову. Марина просила передать.

Он не взял папку сразу.

Смотрел на нее.

— Вы сегодня выглядите иначе.

Алла внутренне напряглась.

— Строже?

— Закрытее.

— Работа располагает.

— Не работа.

Она промолчала.

Он наконец взял папку, открыл, пролистал первые страницы.

— Хорошо структурировано.

— Спасибо.

— Это вы делали?

— Да. Марина проверила.

— Не прячьтесь за Марину.

Алла резко подняла глаза.

— Я не прячусь.

— Тогда скажите: это моя работа.

Она сжала пальцы на подлокотнике.

— Это моя работа.

— Лучше.

Он закрыл папку.

— Что случилось?

Вопрос был сказан так просто, что Алла почти растерялась.

— В каком смысле?

— В прямом. Вчера вечером у метро вы получили сообщение. Сегодня вы напряжены, не спали, избегаете лишних разговоров и пришли ко мне с лицом человека, который заранее готовится защищаться.

Алла смотрела на него и не знала, что сильнее: злость или испуг.

— Вы всегда так внимательно изучаете сотрудников?

— Только тех, кто может стать ценным.

— Или удобным?

— Удобные мне неинтересны.

Она усмехнулась.

— Да, вы уже говорили что-то похожее.

Орлов откинулся в кресле.

— Вы пришли не только с папкой.

Алла молчала.

Он не торопил.

И от этого становилось еще труднее.

Наконец она сказала:

— Мне написал бывший.

На лице Орлова ничего не изменилось.

Но воздух в кабинете будто стал холоднее.

— Продолжайте.

— Он сказал, что я не понимаю, с кем связалась. Имел в виду вас. Сегодня прислал цветы на мой домашний адрес, хотя я ему адрес не давала.

Орлов медленно положил руки на стол.

— Имя.

Одно слово.

Не вопрос.

Алла почувствовала, как по спине прошел холод.

— Максим Лазарев.

Теперь она увидела реакцию.

Очень короткую.

Почти незаметную.

Но увидела.

Взгляд Орлова стал другим.

Жестче.

Темнее.

Опаснее.

— Когда вы с ним расстались?

— Восемь месяцев назад.

— Сколько были вместе?

— Почти два года.

— Он знает, что вы работаете здесь?

— Да.

— Откуда?

— Не знаю.

— Что именно он написал?

Алла достала телефон, открыла переписку и протянула ему.

Орлов не взял.

— Прочитайте.

— Что?

— Не отдавайте личный телефон человеку, которому только вчера объясняли про границы.

Алла замерла.

Неожиданно.

Слишком неожиданно для него.

Она опустила взгляд на экран и прочитала сообщения вслух.

Без эмоций.

Почти сухо.

Но на фразе «он тебя сожрет» голос все-таки дрогнул.

Орлов это услышал.

Конечно услышал.

— Он вас пугал раньше? — спросил он.

— Это не относится к работе.

— Уже относится.

— Нет. К работе относится только то, что он связан с прошлым скандалом в вашей компании. Или я ошибаюсь?

Орлов долго смотрел на нее.

— Не ошибаетесь.

Алла почувствовала, как в груди неприятно сжалось.

— Тогда вы должны знать: я не имею к этому никакого отношения.

— Я знаю.

— Откуда?

— Потому что если бы Лазарев хотел внедрить человека в компанию, он выбрал бы кого-то, кто умеет врать лучше.

Она не ожидала и почти обиделась.

— Спасибо.

— Это комплимент.

— Сомнительный.

— Зато честный.

Он встал, подошел к окну.

Алла заметила: в нем изменилось что-то еще. Впервые за все время Орлов не играл. Не проверял ее реакцию, не подбирал слова, не расставлял ловушки.

Он думал.

Быстро.

Холодно.

Опасно.

— Максим Лазарев был частью группы, которая пыталась вывести деньги через подрядный контур, — сказал он наконец. — Доказать полностью не удалось. Двое подставных директоров исчезли. Документы были оформлены так, что основные исполнители остались чистыми. Проект мы спасли, но потери были серьезные.

— Почему он снова появился?

— Хороший вопрос.

— Вы думаете, из-за меня?

Орлов повернулся.

— Я думаю, он узнал о вас и решил использовать.

— В чем?

— Пока не знаю.

Алла сжала губы.

— Я не инструмент.

— Я заметил.

— Тогда почему у меня ощущение, что все вокруг уже решают, как меня использовать?

Он подошел ближе к столу, но не сел.

— Потому что вы впервые оказались в игре, где ставки выше личных обид.

— Для вас, может быть. А для меня это моя жизнь.

— Именно поэтому вы должны быть осторожны.

— Осторожна я была восемь месяцев. Пряталась, экономила, начинала заново, никого не трогала. И что? Он все рав-

но нашел мой адрес.

Последние слова вырвались слишком резко.

В кабинете стало тихо.

Алла поняла, что сказала больше, чем собиралась.

Орлов смотрел на нее.

Не как босс.

Не как охотник.

А как мужчина, который услышал что-то настоящее.

— Он приходил к вам? — спросил он тихо.

— Нет.

— Если придет, не открывайте.

— Я не маленькая.

— Я не сказал, что маленькая.

— Но звучит так.

— Потому что вы слышите не меня. Вы слышите его.

Алла замолчала.

Слова попали больно.

Слишком больно.

Она резко встала.

— Я пойду.

— Алла.

— Нет. Я сообщила то, что считала нужным. Остальное не ваше дело.

Она уже почти дошла до двери, когда Орлов сказал:

— Охрана проверит, кто передал ваш адрес.

Она остановилась.

— Не надо.

— Надо.

— Я не просила.

— А я не предлагаю вам долг. Я закрываю риск для компании.

Она обернулась.

— Очень удобно.

— Что именно?

— Называть заботу риском. Контроль — безопасностью. Личное — рабочим.

Орлов медленно подошел ближе.

Между ними оставалось несколько шагов.

— Вы правы. Иногда это удобно. Но сейчас я говорю не о власти над вами. Я говорю о человеке, который уже однажды участвовал в схеме против моей компании и теперь пишет моей сотруднице, что она не понимает, с кем связалась.

— Сотруднице?

— Да.

— Вчера я была стажеркой.

— Сегодня вы сотрудница, за которую я отвечаю.

Алла почувствовала, как сердце ударило сильнее.

За которую я отвечаю.

Эта фраза прозвучала неправильно.

Слишком лично.

Слишком твердо.

Слишком опасно для ее внутреннего равновесия.

— Не надо за меня отвечать, — сказала она тише. — Я слишком долго училась отвечать сама.

Орлов остановился.

И впервые не стал давить.

— Хорошо.

Она не ожидала.

— Хорошо?

— Да. Я не буду вмешиваться в вашу личную жизнь без вашего согласия.

Алла не верила.

— Совсем?

— Если это не станет прямой угрозой безопасности.

— А кто решит, стало или нет?

— Вы сообщите мне, если станет.

Она почти улыбнулась.

— Вы уверены, что я сообщу?

— Нет.

— Тогда почему предлагаете?

— Потому что доверие не выбивают приказом.

Алла смотрела на него и не могла понять, где ловушка.

Потому что она привыкла искать ловушку.

В доброте.

В помощи.

В спокойном голосе.

В словах «я рядом».

Все это когда-то уже оборачивалось клеткой.

Орлов будто прочитал ее мысли, но ничего не сказал.

Только вернулся за стол, взял папку.

— Работайте с Воронцовым. Лазареву не отвечайте эмоционально. Все сообщения сохраняйте. И, Алла...

— Да?

— Вы не виноваты в том, что когда-то доверяли не тому человеку.

У нее перехватило дыхание.

На секунду.

Всего на секунду.

Но этого хватило, чтобы защита дала трещину.

Алла резко отвернулась.

— До свидания, Артем Викторович.

— До свидания.

Она вышла.

И только в лифте поняла, что у нее мокрые глаза.

Не от слабости.

От злости на себя.

На него.

На Максима.

На весь мир, который почему-то снова и снова заставлял ее доказывать, что она имеет право быть свободной.

На двадцать шестом этаже Катя сразу увидела ее лицо.

— Алла?

— Все нормально.

— Нет.

— Катя, пожалуйста.

Катя замолчала, но принесла ей кофе.

Алла взяла стакан обеими руками.

— Спасибо.

— Не за что.

Рабочий день продолжился, но внутри Аллы все уже было не так.

Она отправила уточнения Марине. Созвонилась с техническим отделом. Подготовила таблицу по коммерческим блокам. Несколько раз ловила на себе взгляды коллег, будто офис уже начинал шептаться.

Может, так и было.

Может, ей казалось.

К шести вечера пришел ответ от Воронцова.

Он хотел повторную встречу.

И отдельно просил, чтобы на ней была «та молодая сотрудница, которая понимает, как живут люди».

Марина показала письмо Алле.

— Поздравляю.

— С чем?

— Клиент тебя запомнил.

— Мне начинать радоваться?

— Начинай бояться, но с профессиональной гордостью.

Алла впервые за день улыбнулась.

— Спасибо. Вы умеете вдохновлять.

— Я стараюсь.

Телефон завибрировал.

Алла напряглась.

Не Максим.

Мама.

Она вышла в коридор и ответила.

— Да, мам.

— Аллочка, ну что там? Ты думала?

Алла закрыла глаза.

— Мам, я на работе.

— Я понимаю, доченька. Просто хозяйка опять звонила.

Говорит, завтра придет. Я не знаю, что делать.

— Я тоже не знаю.

На том конце повисла обиженная тишина.

— То есть ты нам не поможешь?

Эта фраза ударила сильнее, чем должна была.

— Я не сказала, что не помогу. Я сказала, что у меня сейчас нет таких денег.

— Но ты же работаешь в большой компании.

— Два дня, мам. Я работаю там два дня.

— Извини. Просто я думала, ты у нас сильная.

Алла сжала телефон так, что заболели пальцы.

Вот опять.

Сильная.

Значит, должна.

Значит, обязана.

Значит, не имеет права сказать «не могу».

— Я перезвоню, — сказала она.

— Алла...

— Потом.

Она отключилась.

Вернулась к столу, но работать уже не могла.

Перед глазами стояли цифры.

Тридцать восемь тысяч.

Завтра.

Где взять?

Кредит? Ей не дадут. Микрозайм? Нет. Еще одна кабала.

Занять у Кати? Стыдно и рано. У Марины? Невозможно. Попросить аванс? Может быть. Но стажерке после двух дней?

Алла открыла сайт банка.

Потом закрыла.

Открыла снова.

И вдруг на почту пришло письмо от бухгалтерии.

Тема: Авансовая выплата по стажировке

Алла застыла.

Открыла.

В письме сообщалось, что на основании распоряжения руководства ей может быть предоставлен аванс в размере сорока тысяч рублей с удержанием из будущих выплат. Для оформления нужно подтвердить согласие.

Алла медленно перечитала письмо.

Сорок тысяч.

Ровно тогда, когда ей нужны тридцать восемь.

Слишком вовремя.

Слишком точно.

Она подняла глаза на потолок.

Тридцать восьмой этаж.

Нет.

Нет, нет, нет.

Она встала так резко, что стул отъехал назад.

Катя испуганно посмотрела на нее.

— Ты куда?

— Разбираться.

— Алла...

Но Алла уже шла к лифтам.

На этот раз она не боялась.

Она злилась.

Секретарь на тридцать восьмом попыталась подняться.

— Артем Викторович занят.

— Он найдет минуту.

— Алла Сергеевна, вы не можете...

Алла уже постучала и открыла дверь.

Орлов стоял у стола с двумя мужчинами в костюмах. На экране была схема строительного проекта. Все трое обернулись.

Секретарь за ее спиной побледнела.

— Простите, Артем Викторович, я пыталась...

Орлов поднял руку.

— Ничего.

Он посмотрел на Аллу.

— Господа, пять минут.

Мужчины переглянулись, но вышли.

Секретарь закрыла дверь.

Алла осталась стоять посреди кабинета, с телефоном в руке и огнем в груди.

— Вы это сделали? — спросила она.

Орлов не стал притворяться.

— Да.

— Зачем?

— Вы нуждались в авансе.

— Я вам этого не говорила.

— Нет.

— Тогда откуда вы узнали?

— Вы говорили по телефону в коридоре. Я проходил мимо переговорной.

Алла рассмеялась.

Глухо.

Зло.

— Конечно. Вы везде проходите мимо именно тогда, когда надо.

— Алла...

— Нет. Не надо. Вы обещали не вмешиваться.

— Я не вмешался в вашу личную жизнь. Я оформил законный аванс сотруднику.

— Сотруднику, который ничего не просил!

— Потому что вы бы не попросили.

— Это мое право!

— Да.

— Тогда почему вы его забрали?

Орлов молчал.

И это молчание разозлило ее еще сильнее.

— Вы думаете, я не понимаю? Сорок тысяч. Ровно после разговора с матерью. Ровно после того, как вы узнали про Максима. Ровно тогда, когда мне некуда деваться. Это не помощь. Это повод чувствовать себя обязанной.

Его лицо стало жестче.

— Я не покупаю вашу благодарность.

— А что покупаете?

— Ваше спокойствие.

— Оно не продается!

Слова прозвучали громко.

В кабинете стало тихо.

За стеклом темнел город.

Орлов медленно подошел ближе, но остановился на расстоянии.

— Я не хотел унижить вас.

— Но унижили.

Он принял это.

Не спорил.

И от этого Алле стало еще больнее, потому что если бы он начал оправдываться, кричать, давить, ей было бы проще.

— Отмените, — сказала она.

— Хорошо.

Она моргнула.

— Что?

— Я отменю распоряжение.

— Просто так?

— Да.

— Почему?

— Потому что вы правы. Помощь без согласия — это форма давления.

Алла почувствовала, как злость внезапно споткнулась.

Она не ожидала.

Опять.

С ним все время было так: она готовилась к бою, а он вдруг делал шаг назад, и земля уходила из-под ног.

— Вы правда отмените?

— Сейчас.

Он взял телефон, набрал короткий номер.

— Елена, отмените авансовое распоряжение по Смирновой. Да. Полностью. Спасибо.

Положил трубку.

— Готово.

Алла стояла, не зная, что сказать.

Победа почему-то не радовала.

Потому что проблема не исчезла.

Деньги все еще были нужны.

Мама все еще ждала.

Максим все еще знал ее адрес.

А она только что сама отказалась от единственного быстрого решения.

Орлов смотрел на нее.

— Теперь вы можете попросить.

Она резко подняла глаза.

— Что?

— Вы можете попросить аванс сами. Не у меня. В бухгалтерии. Официально. Без долга передо мной.

— А если я не хочу просить?

— Тогда не просите.

— Вы специально так говорите?

— Как?

— Будто все просто.

— Нет. Я говорю так, потому что иногда самое сложное — признать нужду, не превращая ее в поражение.

Алла отвернулась.

Эта фраза снова попала слишком глубоко.

— Вы ничего обо мне не знаете.

— Уже кое-что знаю.

— И что же?

— Что вам легче сражаться, чем принять помощь.

— Потому что помощь потом предъявляют как счет.

— Не все.

— Достаточно одного раза, чтобы запомнить.

Орлов сделал шаг ближе.

На этот раз Алла не отступила.

— Я не он, Алла.

Она резко посмотрела на него.

— А я не ваша.

Между ними повисла тишина.

Опасная.

Горячая.

Не рабочая.

Не правильная.

Орлов медленно выдохнул.

— Я знаю.

Но взгляд его говорил совсем другое.

Не «я знаю».

А «пока».

Алла первой отвела глаза.

— Извините, что ворвалась на встречу.

— Не извиняйтесь, если не жалеете.

— Я жалею только о форме.

— А о сути?

— Нет.

— Тогда принято.

Она пошла к двери.

Но у самой двери он сказал:

— Алла.

Она не обернулась.

— Да?

— Оформите аванс через Марину. Сегодня. Не из гордости. Не из слабости. Просто потому, что иногда деньги — это только деньги.

Она закрыла глаза.

Как же ей хотелось, чтобы это было правдой.

Просто деньги.

Не цепь.

Не повод.

Не зависимость.

Не доказательство того, что ты не справилась.

Она тихо ответила:

— Я подумаю.

И вышла.

Внизу, на двадцать шестом этаже, Марина ждала ее у лифтов.

Видимо, новости в этой компании действительно бегали быстрее людей.

— Жива? — спросила она.

Алла устало посмотрела на нее.

— Кажется, да.

— Ворвалась к Орлову на встречу?

— Немного.

— Немного невозможно ворваться.

— Значит, полностью.

Марина покачала головой.

— У тебя талант ускорять карьеру через инфаркты руководства.

Алла не выдержала и тихо рассмеялась.

Смех вышел нервный, почти на грани слез.

Марина отвела ее в сторону.

— Про аванс я уже знаю. Можешь оформить через меня. Это нормально. У нас стажерам иногда дают.

— Мне кажется, я тогда проиграю.

— Кому?

Алла молчала.

Марина посмотрела на нее мягче, чем обычно.

— Алла, бедность очень любит притворяться гордостью. Не путай одно с другим.

Эти слова добились.

Алла опустила голову.

— Мне нужно тридцать восемь тысяч. Для мамы.

— Тогда оформляем сорок. Вернешь из выплат частями. Без драмы.

— А Орлов?

— А Орлов пусть занимается своими небоскребами.

Алла медленно кивнула.

— Хорошо.

Они оформили заявление за десять минут.

Официально.

Через Марину.

Без личных звонков.

Без долговых взглядов.

Без благодарности, которую потом можно предъявить.

И все равно Алла чувствовала себя так, будто внутри нее что-то надломилось.

Вечером она перевела деньги матери.

Мама плакала в трубку, благодарила, называла ее спасительницей, сильной девочкой, самой лучшей дочерью.

Алла слушала и смотрела в окно пустого автобуса.

Слова матери почему-то не грели.

Только тяжелели.

Когда она вышла на своей остановке, было уже темно.

Двор встретил ее мокрым асфальтом, тусклым фонарем и холодным ветром.

Алла поднялась на свой этаж.

И остановилась.

У двери ее комнаты, прямо на полу общего коридора, лежал белый конверт.

Без адреса.

Без подписи.

Она медленно подняла его.

Внутри была фотография.

Сделанная сегодня.

Алла возле бизнес-центра.

Алла садится в автобус.

Алла выходит у дома.

И записка:

**«Орлов тебя не защитит. А я знаю, где ты живешь.
М.»**

Сердце Аллы перестало биться.

На секунду.

На две.

Потом ударило так сильно, что потемнело в глазах.

Где-то за стеной смеялась соседка.

На кухне звякнула посуда.

В ванной шумела вода.

Мир продолжал жить как ни в чем не бывало.

А Алла стояла посреди коридора с фотографиями в руках
и впервые ясно поняла:

это уже не прошлое.

Это охота.

Только охотников стало двое.

И один из них называл себя спасителем.

Глава 4. Тот, кто рядом

Алла стояла в коридоре и не могла вдохнуть.

Белый конверт казался тяжелее кирпича.

Он лежал у нее в руках, тонкий, бумажный, почти невесомый, но внутри него было что-то такое, что мгновенно превратило ее маленькую съемную комнату, общий коридор, облупленную дверь ванной и кухню с чужими кружками в место, где больше нельзя было чувствовать себя в безопасности.

На фотографиях была она.

Не случайно снятая издалека.

Не размытый силуэт.

Не кадр с камеры наблюдения.

Нет.

Слишком четко.

Слишком намеренно.

Она у бизнес-центра, когда выходит после работы.

Она стоит на остановке, сжимая сумку.

Она в автобусе у окна.

Она идет по двору.

Она поднимает голову к своему подъезду.

Последний снимок был самым страшным.

На нем Алла уже почти входила в подъезд, и фотограф, судя по ракурсу, стоял совсем недалеко. Может, у соседней ма-

шины. Может, за деревом. Может, рядом с тем самым тусклым фонарем, под которым она прошла несколько минут назад, думая только о том, как быстрее добраться до комнаты и снять обувь.

Он был рядом.

Максим был рядом.

И она его не заметила.

Алла почувствовала, как ноги становятся ватными. Она резко прижалась плечом к стене, потому что пол под ней будто качнулся.

«Орлов тебя не защитит. А я знаю, где ты живешь. М.»

Слова расплывались перед глазами.

Она перечитала записку еще раз.

Потом еще.

Не потому что не понимала.

А потому что мозг отказывался принять.

Это уже не было сообщением от обиженного бывшего. Не цветами. Не попыткой поговорить. Не привычным максимовским «ты неправильно поняла».

Это было преследование.

Прямая угроза.

И самое страшное — в ней было имя Орлова.

Максим не просто хотел вернуть контроль над Аллой.

Он хотел втянуть ее в чужую войну.

И теперь она стояла между ними, как между двумя бетон-

ными плитами, которые медленно сходились.

— Алл?

Дверь кухни приоткрылась.

В коридор выглянул Павел. В руке у него была кружка, на лице — обычное усталое любопытство, которое почти сразу сменилось тревогой.

— Ты чего такая белая?

Алла попыталась спрятать фотографии, но пальцы не слушались.

Один снимок выскользнул и упал на пол.

Павел поставил кружку на тумбочку и быстро поднял его.

Посмотрел.

Потом на Аллу.

— Это что?

— Ничего.

Голос оказался чужим.

Тонким.

Почти детским.

Павел нахмурился.

— Алла, это не ничего.

Она вырвала фотографию у него из рук слишком резко.

— Не лезь, пожалуйста.

Он не обиделся.

Только стал серьезнее.

— Кто это сделал?

— Я сказала, не лезь.

— Ты дрожишь.

— Я замерзла.

— В коридоре?

— Павел!

Она почти крикнула.

Из комнаты Лиды сразу стих сериал. Где-то щелкнул замок. В этой квартире чужое горе всегда было развлечением, если происходило достаточно громко.

Алла стиснула зубы.

— Извини.

Павел посмотрел на нее долгим взглядом.

— Ладно. Я не лезу. Но если тебе нужна помощь — я на кухне. И дверь на ночь я могу закрыть на цепочку.

Эта простая фраза почему-то едва не сломала ее окончательно.

Не «я решу».

Не «я знаю лучше».

Не «без меня ты не справишься».

Просто: могу закрыть дверь на цепочку.

Маленькая, нормальная, человеческая помощь, которая не требовала платы.

Алла кивнула.

— Спасибо.

Она вошла в комнату и закрыла дверь на замок.

Только тогда ее начало трясти по-настоящему.

Она села на кровать, разложила фотографии перед собой

и закрыла рот ладонью, чтобы не издать ни звука.

Плакать не хотелось.

Слез вообще не было.

Был страх.

Холодный, сухой, как стекло.

И злость.

Огромная.

Живая.

Горячая.

— Ненавижу, — прошептала Алла.

Кого?

Максима?

Орлова?

Себя?

Всех сразу.

Она не знала.

Телефон лежал в сумке. Нужно было кому-то позвонить. В полицию? Но что она скажет? Бывший прислал фотографии. Да, угроза. Да, преследование. Да, адрес. Но докажет ли она? Примут ли заявление? Или посмотрят устало и скажут: «Разберитесь сами, семейное дело»?

Семейное.

Какое страшное слово, когда им прикрывают чужой контроль.

Позвонить Марине?

Поздно.

Кате?

Она испугается.

Маме?

Нет. Мама начнет плакать, причитать, а потом каким-то образом все равно скажет: «Может, он правда переживает за тебя?»

Алла смотрела на телефон и уже знала имя, которое первым всплыло в голове.

Артем Викторович.

Орлов.

Тот, кто сказал: **«Вы сообщите мне, если станет угрозой.»**

Вот стало.

Но позвонить ему означало признать, что она нуждается.

Не в деньгах.

Не в распоряжении.

В защите.

А это было куда страшнее.

Потому что деньги можно вернуть.

А ощущение, что кто-то сильный встал между тобой и опасностью, вернуть обратно гораздо сложнее.

К нему привыкаешь.

А Алла не хотела привыкать к Орлову.

Она взяла телефон и набрала 112.

Палец завис над кнопкой вызова.

В этот момент телефон завибрировал сам.

Неизвестный номер.

Алла вздрогнула так, что едва не уронила его.

На экране светились цифры.

Она смотрела, пока звонок не прервался.

Через несколько секунд пришло сообщение.

«Не делай глупостей. Я рядом.»

Воздух исчез.

Алла вскочила, подбежала к окну и резко отдернула край шторы.

Двор был почти пустой.

Фонарь.

Машины.

Мокрый асфальт.

Двое подростков у подъезда напротив.

Женщина с собакой.

И черная машина возле арки.

Не Орлова.

Другая.

Серая, старая, грязная.

Но стояла так, что из нее хорошо был виден ее подъезд.

Алла не знала, он ли это.

Но тело уже знало.

Она отступила от окна, будто ее могли увидеть даже сквозь стену.

Руки наконец заработали сами.

Она открыла переписку с Орловым в корпоративной по-

chte, потом вспомнила, что его личного номера у нее нет. Входящие. Письмо. Подпись. Служебный телефон приемной. Нет, сейчас секретарь не ответит.

Марина.

Она набрала Марину.

Гудок.

Второй.

Третий.

— Алла? — голос Марины был сонный и сразу напряженный. — Что случилось?

Алла попыталась сказать спокойно.

Не получилось.

— Он был здесь.

— Кто?

— Максим. Или кто-то от него. Мне оставили фотографии. У двери. Я... я не знаю, что делать.

Сон из голоса Марины исчез мгновенно.

— Дверь закрыта?

— Да.

— Ты одна?

— В квартире соседи.

— Фотографии сохрани. Конверт не выбрасывай. Руками больше не трогай, если можешь.

— Я уже трогала.

— Ничего. Сейчас не об этом. Он у дома?

— Не знаю. Мне пришло сообщение, что он рядом. Во

дворе стоит машина.

Марина выругалась тихо, но так яростно, что Алла даже немного пришла в себя.

— Слушай меня. Звони в полицию. Прямо сейчас. Говори: преследование, угроза, человек у дома, боишься за безопасность. Параллельно я звоню Орлову.

— Нет!

— Алла.

— Не надо ему звонить.

— Поздно.

— Марина, пожалуйста!

— Нет. Это уже не гордость. Это опасность. И не спорь со мной, потому что сейчас я старше, злее и опытнее.

— Я не хочу, чтобы он...

— Чтобы он что? Узнал, что ты человек, а не железобетонная конструкция? Переживет.

Алла закрыла глаза.

— Я не хочу быть ему обязанной.

Марина ответила уже мягче:

— Тогда будь обязанной мне. Это я звоню. Ты мне потом кофе купишь. Все. Расплатилась.

Алла всхлипнула. Не плачем. Скорее воздухом, который наконец прорвался в грудь.

— Звони в полицию, — сказала Марина. — И не открывай дверь никому, кроме сотрудников. Даже если это будет Лазарев, Орлов, ангел с небес или твоя совесть.

— Хорошо.

— Я на связи.

Алла отключилась и набрала 112.

Голос оператора был спокойным, почти механическим. Алла говорила сбивчиво, но старалась не терять нить: бывший партнер, угрозы, фотографии, неизвестный у дома, страх, адрес, сообщение.

Ей сказали оставаться в квартире, не выходить, не трогать больше конверт, ожидать наряд.

Ожидать.

Как будто каждая минута не превращалась в отдельную вечность.

Алла сидела на кровати, сжимая телефон. За дверью снова слышались шаги Павла. Он тихо постучал.

— Алл, я цепочку закрыл. И табурет под дверь поставил. Ну... на всякий.

— Спасибо, — сказала она через дверь.

— Ты полицию вызвала?

Она замолчала.

— Я не глухой, — добавил он. — И не совсем идиот.

— Вызвала.

— Хорошо. Я в коридоре посижу.

— Не надо.

— Надо. У меня дед был сторожем. Это семейное.

Алла неожиданно улыбнулась сквозь страх.

— Павел.

— Что?

— Спасибо.

— Потом скажешь. Сейчас сиди тихо.

Она села на пол у кровати.

Так прошло десять минут.

Пятнадцать.

Двадцать.

Снаружи хлопнула подъездная дверь.

Алла вскочила.

В коридоре Павел тоже поднялся, она услышала скрип табурета.

Потом тишина.

Потом шаги.

Не в квартире.

На лестничной площадке.

Алла подошла к двери своей комнаты и замерла.

Раздался звонок в общую дверь.

Один раз.

Потом второй.

Павел не открыл.

— Кто? — спросил он громко.

Мужской голос ответил:

— Полиция.

Павел посмотрел в глазок. Щелкнул замок. Цепочка осталась на месте.

— Документы покажите.

Алла почти не дышала.

Она слышала, как открывают удостоверения, как Павел что-то бормочет, как снимает цепочку.

В квартиру вошли двое сотрудников.

Один постарше, с уставшим лицом, второй молодой, серьезный.

Алла вышла из комнаты.

— Это я вызывала.

Старший посмотрел на нее внимательнее, чем она ожидала.

— Смирнова Алла Сергеевна?

— Да.

— Рассказывайте.

Она рассказала.

Сначала коротко.

Потом подробнее.

Про отношения с Максимом, про расставание, про сообщения, цветы, фотографии, записку, машину во дворе.

Когда она показала снимки, молодой сотрудник нахмурился.

— Номер машины видели?

— Нет. Я не уверена, что это он.

— Сейчас проверим двор.

Старший аккуратно взял конверт и фотографии через салфетку, которую дала Лида, уже давно стоявшая в халате у кухни с видом свидетеля исторического события.

— Заявление писать будете?

Алла замялась.

И в эту секунду телефон завибрировал.

Сообщение.

«Полиция? Ты серьезно? Большая ошибка, Алла.»

Она показала экран сотруднику.

Лицо старшего стало жестче.

— Будете. Сейчас.

Алла кивнула.

— Буду.

И от этого одного слова внутри будто что-то встало на место.

Она больше не пряталась.

Не оправдывалась.

Не делала вид, что все не так страшно.

Максим хотел, чтобы она молчала.

Но она больше не была той Аллой, которая собирает сумку под его голос и уходит, не хлопнув дверью.

Она писала заявление сидя за кухонным столом. Павел стоял рядом, Лида охала, старший диктовал, что важно указать. Молодой сотрудник спустился во двор, вернулся через десять минут и сказал:

— Машины уже нет.

Конечно.

Алла даже не удивилась.

Когда полицейские ушли, было почти полночь.

Квартира снова стала тихой, но уже другой тишиной. Не уютной. Настороженной.

Павел предложил чай.

Алла отказалась.

Потом согласилась.

Они сидели на кухне втроем: Алла, Павел и Лида, которая, несмотря на всю свою любовь к сплетням, внезапно оказалась вполне человеческой.

— Мужики иногда больные бывают, — сказала Лида, крепко держа кружку. — У меня сестру бывший полгода караулил. Так что ты не стесняйся. Кричи, звони, шум поднимай. Не надо героизма.

Алла кивнула.

— Я поняла.

Павел поставил перед ней сахарницу.

— На сегодня я диван в коридоре разложу.

— Павел, ну не надо.

— Надо. Мне все равно код писать до утра.

— У тебя же завтра работа.

— У меня удаленка. Я могу выглядеть как труп, никто не заметит.

Алла тихо рассмеялась.

И именно в этот момент раздался еще один звонок в дверь.

Все замерли.

Павел поднялся.

— Не открывай, — резко сказала Алла.

— Сначала посмотрю.

Он подошел, заглянул в глазок.

И почему-то замолчал.

— Кто? — прошептала Лида.

Павел обернулся к Алле.

— Кажется... твой начальник.

У Аллы сердце рухнуло вниз.

Нет.

Не сейчас.

Не сюда.

Не в эту квартиру с облупленным коридором, чайником с накипью, Лидой в халате и Павлом в растянутой футболке.

Не в ее бедность.

Не в ее страх.

Не в место, где она была совсем без защиты.

Но звонок повторился.

Спокойный.

Уверенный.

Не настойчивый, но явно не случайный.

Алла встала.

— Я открою.

— Уверена? — спросил Павел.

— Да.

Она подошла к двери.

На секунду закрыла глаза.

Потом открыла.

На лестничной площадке стоял Артем Викторович Орлов.

Не в костюме.

В темном пальто поверх черного джемпера. Без привычной офисной брони, но от этого не менее сильный. Волосы чуть растрепаны ветром, лицо спокойное, взгляд темный, внимательный.

За его спиной стоял крупный мужчина в куртке — видно, водитель или охрана. Ни слова. Просто тень.

Орлов посмотрел на Аллу.

Не на квартиру.

Не на Павла за ее плечом.

Не на Лиду, которая застыла у кухни.

Только на нее.

— Вы целы?

От этого вопроса у нее внезапно защемило глаза.

Так просто.

Так коротко.

Без «я же говорил».

Без «почему не позвонили».

Без приказов.

Только: **вы целы?**

Алла выпрямилась.

— Да.

— Он был здесь?

— Фотографии оставил. Сообщения прислал. Полиция

приезжала. Я написала заявление.

В его взгляде мелькнуло одобрение.

— Правильно.

— Марина позвонила вам?

— Да.

— Я просила не звонить.

— Она поступила разумно.

— Конечно. Все вокруг всегда поступают разумно, кроме меня.

— Алла.

Она резко подняла руку.

— Не надо. Я устала.

Он замолчал.

Потом спокойно сказал:

— Я не войду без приглашения.

Эта фраза выбила почву.

Алла ожидала чего угодно.

Что он пройдет внутрь.

Что начнет командовать.

Что скажет собирать вещи.

Что будет решать, куда ей ехать, где спать, кому звонить, что писать.

Но он стоял за порогом.

И ждал.

Ждал ее решения.

Павел за спиной тихо кашлянул.

— Алл, может, пусть войдет? А то соседи завтра расскажут, что у нас мафия на лестнице.

Алла посмотрела на Орлова.

— Проходите.

Он вошел.

Коридор сразу стал меньше.

Не потому что он был слишком крупным, хотя и это тоже.

А потому что такие люди меняли пространство вокруг себя. Даже старая тумбочка у стены и куртки на крючках будто вдруг почувствовали свою неуместность.

Лида мгновенно поправила халат.

— Чай будете?

Алла закрыла глаза.

Господи.

Орлов перевел на нее взгляд, и в уголке его губ мелькнуло что-то почти человеческое.

— Спасибо. Нет.

— А кофе? Растворимый, правда.

— Лида! — простонала Алла.

— Что? Гость же.

Павел протянул руку.

— Павел. Сосед. Временно исполняющий обязанности табурета под дверью.

Орлов пожал ему руку.

— Артем Викторович.

— Да мы поняли, — пробормотал Павел и тут же добавил:

— В смысле, приятно.

Алла почувствовала, что ситуация становится настолько абсурдной, что страх на секунду отступил.

Орлов снова посмотрел на нее.

— Можно поговорить?

— Здесь?

— Где вам удобно.

Ей нигде не было удобно.

Но вести его в свою комнату она не хотела.

Не потому что боялась.

Потому что комната была слишком личной. Слишком маленькой. Слишком честной.

— На кухне, — сказала она.

Лида мгновенно засуетилась.

— Я уйду.

— Лида, не надо...

— Надо-надо. Я вообще спать хотела.

Павел забрал свою кружку.

— Я в коридоре. Семейная профессия.

Через минуту они остались на кухне вдвоем.

Кухня была тесной: стол у стены, три стула, старый холодильник, плита, на которой кто-то оставил кастрюлю, занавески с выцветшими лимонами. Орлов сидел на обычном деревянном стуле так, будто проводил переговоры в своем кабинете на тридцать восьмом этаже.

Алла стояла у окна.

— Зачем вы приехали?

— Убедиться, что вы в безопасности.

— Убедились?

— Нет.

Она усмехнулась.

— Честно.

— Вы не в безопасности, Алла.

— Я знаю.

— Тогда давайте без борьбы ради борьбы.

Она повернулась.

— Вы сейчас скажете, что мне надо переехать?

— Да.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я не побегу из своей жизни из-за Максима.

— Это не бегство. Это мера безопасности.

— Это выглядит как бегство.

— Пусть выглядит.

— Вам легко говорить.

— Нет.

Он сказал это так тихо, что она замолчала.

Орлов положил руки на стол.

— Мне не легко говорить о безопасности после того, как я однажды уже недооценил Лазарева.

Алла села напротив.

— Что произошло тогда?

Он долго молчал.

За стеной тикали старые часы. В коридоре скрипнул диван — Павел устраивался на своем посту. Где-то сверху лаяла собака.

Наконец Орлов сказал:

— У нас был проект на юге города. Крупный. Дорогой. Сложный. Подрядчики менялись, сроки горели, чиновники давили, инвесторы нервничали. На этом фоне появилась структура, которая предложила быстрые решения по поставкам и субподрядам. Все выглядело законно. Слишком законно, как я потом понял.

— Максим был там?

— Он был посредником. Молодой, наглый, обаятельный. Умел входить в доверие к тем, кто хотел быстрых денег и простых ответов.

Алла горько улыбнулась.

— Да. Это он умеет.

Орлов посмотрел на нее, но не перебил.

— Через три месяца мы обнаружили, что часть средств ушла по цепочке договоров за работы, которые либо не были выполнены, либо были завышены в несколько раз. Когда начали разбираться, документы исчезли, люди исчезли, один из сотрудников службы закупок попал в аварию.

Алла похолодела.

— В аварию?

— Официально — не справился с управлением.

— А неофициально?

Орлов отвел взгляд к окну.

— Неофициально он собирался передать мне данные.

Алла прикрыла рот ладонью.

— Он погиб?

— Нет. Но остался инвалидом.

В кухне стало совсем тихо.

Алла вдруг поняла, что Максим был не просто токсичным бывшим. Не просто манипулятором. Не просто человеком, который хотел снова почувствовать власть над ней.

Он мог быть частью чего-то намного грязнее.

И намного опаснее.

— Почему вы его не посадили?

Вопрос прозвучал резко, почти обвинительно.

Орлов принял.

— Потому что доказательства вели к людям выше него. А потом исчезли. Потому что один свидетель отказался говорить. Второй уехал. Третий подписал документы, по которым сам оказался виноватым. Потому что иногда правда недостаточна, если она плохо оформлена юридически.

— Вы смирились?

Его глаза стали холоднее.

— Нет.

Одно слово.

И в нем было столько, что Алла не стала спрашивать дальше.

— А теперь он вернулся, — сказала она.

— Да.

— Из-за вас?

— Возможно.

— Из-за меня?

— Возможно.

— Прекрасно. Очень конкретно.

— Я не буду делать вид, что знаю больше, чем знаю.

Алла устало провела ладонью по лицу.

— Он написал, что вы меня не защитите.

— Он хочет, чтобы вы мне не доверяли.

— А я и не доверяю.

— Знаю.

— Тогда почему вы здесь?

Орлов посмотрел на нее долго.

— Потому что доверие не обязательно для того, чтобы человек имел право на помощь.

Она сжала губы.

— Вы опять.

— Что?

— Говорите правильные вещи так, будто знаете, куда бить.

— Я не быю.

— Иногда слова тоже бьют.

Он кивнул.

— Да. Иногда.

Алла ожидала, что он снова начнет убеждать, давить, устраивать логическую ловушку. Но он молчал.

И от этого ей самой пришлось заговорить.

— Я не хочу переезжать к вам.

Он поднял бровь.

— Я не предлагал.

Алла вспыхнула.

— Я не это имела в виду.

— А что?

— Что я не поеду в место, которое контролируете вы. В вашу квартиру, гостиницу, служебное жилье, куда угодно. Потому что потом я не пойму, где заканчивается защита и начинается клетка.

Орлов смотрел на нее очень внимательно.

— Хорошо.

— Что хорошо?

— Не поедете в место, которое контролирую я.

— И все?

— Нет. Поедете туда, где вас устроит. К подруге. К родственникам. В гостиницу, которую выберете сами. В квартиру, которую снимете сами. Я могу дать контакт юриста, чтобы заявление сопровождали грамотно. Могу выделить охрану для офиса и дороги. Могу не делать ничего, кроме того, что вы попросите.

Алла почти не верила своим ушам.

— Вы правда можете не делать ничего?

— Это будет сложно.

Она невольно усмехнулась.

Он тоже почти улыбнулся.

— Но я постараюсь.

Она опустила глаза.

Странно.

Когда Максим говорил «я хочу помочь», ей хотелось закрыться на все замки.

Когда Орлов говорил почти то же самое — хотелось спорить.

Но уже не бежать.

И это пугало сильнее, чем угрозы.

— У меня нет подруги, к которой я могу поехать, — сказала Алла тихо. — С мамой нельзя. Она сама... не справится. Да и он знает, где они живут. Гостиница дорого. Новую комнату быстро не найду.

Орлов не перебил.

Не предложил сразу денег.

Не сказал «я решу».

Просто слушал.

Алла сглотнула.

— Я могу остаться здесь. Павел сказал, что посидит в коридоре. Полиция уже приезжала. Заявление есть.

— На одну ночь — возможно. Но завтра?

— Завтра будет завтра.

— Это плохая стратегия.

— Это моя стратегия последних восьми месяцев.

— Я заметил.

Она хотела обидеться, но сил не было.

— Не надо меня жалеть.

— Я не жалею.

— Тогда что?

Он ответил не сразу.

И именно эта пауза стала опасной.

Потому что в ней было слишком много невысказанного.

— Я злюсь, — сказал он наконец.

Алла подняла глаза.

— На меня?

— На него. На себя. На обстоятельства. На то, что вы сидите в этой кухне и вынуждены выбирать между страхом и гордостью.

— Гордость — это все, что у меня есть.

— Нет.

— А что еще?

— Вы.

Она замолчала.

Так просто.

Так невозможно просто.

Вы.

Не работа.

Не стажировка.

Не характер.

Не потенциал.

Не «ценный сотрудник».

Вы.

Алла почувствовала, что еще немного — и она действительно заплачет. А плакать при нем нельзя. Не потому что он воспользуется. Она уже не была в этом уверена. А потому что если он не воспользуется, это будет еще хуже.

Тогда придется признать, что он не такой, каким ей удобно его считать.

— Мне нужно подумать, — сказала она.

— Хорошо.

— Не решайте за меня.

— Не буду.

— И не ставьте охрану под окна.

Он чуть помолчал.

— А возле подъезда?

— Артем Викторович.

— Хорошо. Без охраны под окнами и у подъезда без вашего согласия.

— Вы торгуетесь даже сейчас?

— Я строитель. Я всегда ищу конструкцию, которая не рухнет.

Она неожиданно рассмеялась.

Тихо.

Устало.

Но по-настоящему.

Орлов посмотрел на нее так, будто этот смех был чем-то важным.

Алла сразу отвела взгляд.

— Не смотрите так.

— Как?

— Будто я... не знаю.

— Живая?

Она замерла.

Да.

Именно.

Будто она живая.

Не сильная.

Не удобная.

Не проблемная.

Не стажерка.

Живая.

Со страхом, злостью, гордостью, усталостью и странной, опасной тягой к человеку, рядом с которым нельзя было терять голову.

— Вам пора, — сказала она.

Он не спорил.

Встал.

— Я оставлю номер. Прямой. Не приемная.

— Мне не нужен...

— Нужен. Вы можете не пользоваться.

Он взял бумажную салфетку, достал ручку из внутреннего

кармана пальто и написал номер. Положил на стол.

— Если он появится — звоните в полицию. Потом мне. Именно в таком порядке, чтобы вы не решили, что я заменяю закон.

Алла посмотрела на салфетку.

— Вы всегда так хорошо понимаете, где у человека болит?

— Нет. С вами приходится учиться быстрее.

Она подняла глаза.

В этот раз он смотрел не как охотник.

И не как начальник.

А как мужчина, который сам не до конца понимает, во что ввязывается, но уже не собирается отступать.

— Почему? — спросила Алла тихо.

— Что почему?

— Почему я?

Вопрос сорвался сам.

Она не планировала.

Не хотела.

Но он висел между ними с самого первого дня.

Почему он заметил ее в холле?

Почему написал?

Почему проверял?

Почему приехал?

Почему смотрел так, будто она была не просто новой стажеркой, а чем-то, что нарушило привычный порядок его мира?

Орлов молчал долго.

Потом сказал:

— Потому что вы вошли в лифт и не стали улыбаться так, будто я должен вам понравиться.

Алла хмыкнула.

— Это все?

— Нет.

Он сделал шаг к двери.

Остановился.

— Потому что вы боитесь, но не врете себе, что это слабость. Потому что вы злитесь, когда вас пытаются купить, даже если вам нечем платить за завтра. Потому что вы говорите «нет» так, будто держите последнюю стену. И потому что я слишком давно не встречал людей, которые не продают эту стену при первой же угрозе.

У Аллы перехватило дыхание.

Она не знала, что ответить.

Орлов открыл дверь кухни.

В коридоре Павел мгновенно сделал вид, что не прислушивался, хотя сидел на диване прямо напротив.

— Уже уходите? — спросил он.

— Да.

— Табурет оставлять?

Орлов посмотрел на него серьезно.

— Оставьте.

Павел кивнул так, будто получил приказ государственной

важности.

У двери Орлов остановился.

— Я пришлю завтра юриста. Только для консультации. Вы вправе отказаться.

Алла устало вздохнула.

— Вы обещали не решать.

— Я предлагаю.

— Тонкая грань.

— Поэтому говорю вслух.

Она кивнула.

— Хорошо. Консультация.

— И водитель утром довезет вас до офиса.

— Нет.

— Алла.

— Я доеду с Павлом.

Павел подавился воздухом.

— Со мной?

Алла посмотрела на него.

— Ты ведь работаешь удаленно?

— Ну... да.

— Значит, можешь проводить меня до метро.

Павел медленно кивнул.

— Могу. Семейная профессия расширяется.

Орлов посмотрел на Павла.

— Спасибо.

Павел как-то сразу сел ровнее.

— Да не за что.

Когда дверь за Орловым закрылась, квартира словно выдохнула.

Лида тут же выглянула из комнаты.

— Ну и мужчина.

Алла закрыла лицо руками.

— Лида...

— Я молчу. Но мужчина.

Павел поднял палец.

— Согласен. Даже мне захотелось устроиться стажером.

Алла неожиданно засмеялась.

И смеялась так долго, что смех почти стал плачем.

Потом она все-таки заплакала.

Тихо.

Без истерики.

Просто села на пол у своей двери и заплакала, потому что слишком долго держалась.

Лида принесла ей плед.

Павел — чай.

Никто не задавал вопросов.

И это было самым лучшим, что они могли сделать.

Ночь прошла тревожно.

Алла спала урывками, просыпалась от каждого шороха, проверяла телефон, смотрела на салфетку с номером Орлова, лежащую на столе рядом с кружкой.

Не звонила.

Но сам факт, что номер есть, почему-то менял воздух в комнате.

Утром Павел действительно проводил ее до метро.

Выглядел он так, будто не спал лет десять, но шел рядом с видом телохранителя, которого жизнь вынудила освоить айти.

— Если что, — сказал он на входе, — звони.

— Спасибо.

— И не ходи одна вечером.

— Постараюсь.

— Не постараюсь, а не ходи.

Она посмотрела на него.

— Ты с Орловым сговорился?

— Нет. Просто у меня инстинкт самосохранения проснулся за тебя, раз твой в отпуске.

Алла улыбнулась.

— Иди спать, Павел.

В офис она приехала рано.

И сразу почувствовала: что-то изменилось.

Люди смотрели.

Не все.

Не откровенно.

Но достаточно, чтобы понять — слухи уже здесь.

Возможно, кто-то видел Орлова у ее дома. Возможно, секретарь рассказала о вчерашнем визите. Возможно, Марина что-то сказала кому-то. А может, офис просто жил по зако-

нам аквариума, где любая капля крови мгновенно привлекает внимание.

Катя подскочила к ней сразу.

— Ты как?

— Нормально.

— Марина сказала только, что были проблемы. Я не спрашиваю. Но если надо — я рядом.

Алла кивнула.

— Спасибо.

Марина вышла из кабинета и посмотрела на Аллу.

Без лишней жалости.

За это Алла была ей благодарна.

— Ко мне, — сказала Марина.

В кабинете она закрыла дверь.

— Заявление написала?

— Да.

— Хорошо. Юрист будет в одиннадцать.

— Орлов сказал?

— Орлов организовал. Я согласовала. Так тебе легче злиться на нас обоих.

Алла устало села.

— Вы все невозможные.

— Зато эффективные.

Марина протянула ей папку.

— А теперь работа. Воронцов перенес встречу на сегодня, пятнадцать ноль-ноль. И просит расширенную подбор-

ку коммерции плюс инвестиционный расчет. Успеем?

Алла посмотрела на папку.

И вдруг почувствовала странное облегчение.

Работа.

Цифры.

Таблицы.

То, что можно контролировать.

— Успеем.

— Вот и отлично.

До обеда они работали почти без остановки.

Алла на удивление быстро вошла в ритм. Страх никуда не ушел, но стал фоном. А поверх него были задачи: посчитать окупаемость, сравнить арендные ставки, подготовить аргументы по трафику, собрать карту района.

В одиннадцать пришел юрист.

Женщина по имени Инна Сергеевна, строгая, сухая, с внимательными глазами. Она не сюсюкала, не ахала, не называла Аллу бедной девочкой. Просто спросила факты, посмотрела сообщения, объяснила, как фиксировать угрозы, как дополнять заявление, что делать при новых попытках контакта, как оформить запрет на приближение, если будут основания.

Алла впервые почувствовала, что ситуация не просто пугающая.

Она имеет форму.

А значит, с ней можно работать.

После консультации Инна Сергеевна сказала:

— Главное — не вступайте с ним в эмоциональную переписку. Такие люди питаются реакцией. Отвечайте только по необходимости, сухо, либо не отвечайте. И не встречайтесь без свидетелей.

— Я не собираюсь.

Юрист посмотрела на нее поверх очков.

— Обычно именно после этой фразы и встречаются. Когда он пишет что-то вроде «я все объясню» или «у меня доказательства» или «ты пожалеешь, если не придешь».

Алла похолодела.

— Думаете, напишет?

— Почти уверена.

И она оказалась права.

В два часа дня, когда Алла готовила последние слайды для встречи с Воронцовым, пришло сообщение с нового номера.

«Хочешь знать, почему Орлов так быстро к тебе прицепился? Спроси его про девушку по имени Лена. Или приходи сегодня в семь к старому мосту. Я покажу тебе документы.»

Алла смотрела на экран.

Лена.

Документы.

Старый мост.

Все было ровно так, как сказала юрист.

Приманка.

Но внутри что-то дрогнуло.

Потому что имя было слишком конкретным.

И потому что где-то глубоко-глубоко сидел старый страх:
а вдруг Максим говорит правду?

А вдруг Орлов действительно не просто опасный властный мужчина, а человек, рядом с которым кто-то уже пострадал?

Она сделала скриншот.

Сохранила номер.

Переслала юристу.

Потом Марине.

И только потом долго смотрела на салфетку с номером Орлова, которую утром зачем-то переложила в сумку.

Позвонить?

Нет.

Не сейчас.

В три часа началась встреча с Воронцовым.

Он пришел в прекрасном настроении, громкий, уверенный, со своей свитой. На этот раз он сразу кивнул Алле:

— А, вот и наш человек из реальной жизни.

Марина улыбнулась.

— Алла подготовила для вас обновленную подборку.

— Тогда пусть она и рассказывает.

В переговорной стало тихо.

Марина повернулась к Алле.

Не спасая.

Не подталкивая.

Просто давая выбор.

Алла встала.

Внутри все еще лежало сообщение Максима, как осколок льда.

Но она открыла презентацию.

И начала говорить.

Сначала голос был чуть жестче обычного. Потом выровнялся. Она рассказывала про помещения, про потенциальных арендаторов, про сценарии развития района, про риски, про то, что не стоит покупать только «самые красивые углы», если за ними нет понятного трафика.

Воронцов слушал.

Задавал вопросы.

Спорил.

Провоцировал.

Но Алла уже не пугалась его манеры. После Максима, ночной угрозы и разговора с Орловым громкий клиент казался почти простой задачей.

В какой-то момент Воронцов откинулся в кресле и сказал:

— Вот что я вам скажу. Марина, девчонку надо не в стажерах держать. У нее голова работает.

Алла почувствовала, как щеки теплеют.

Марина сухо ответила:

— Мы в курсе.

— Беру три помещения, — сказал Воронцов. — По двум

еще думаю. Квартиры обсудим отдельно. Но условие: сопровождать сделку будет она.

Он указал на Аллу.

— Под вашим контролем, конечно. Но она.

Алла замерла.

Марина спокойно сказала:

— Это возможно.

— Отлично. Тогда работаем.

После встречи Марина закрыла дверь переговорной, повернулась к Алле и впервые за все время улыбнулась широко.

— Поздравляю. Ты только что заработала себе первую большую сделку.

Алла стояла с папкой в руках.

— Правда?

— Правда.

— Но я же стажерка.

— Была.

Слово ударило неожиданно сильно.

Была.

Будто какой-то этап закончился прямо здесь, в стеклянной переговорной, между графиками, планами и чужими миллионами.

Алла не успела ответить.

Дверь открылась.

На пороге стоял Орлов.

В переговорной сразу стало тише, хотя кроме них троих там никого не было.

— Марина, оставьте нас на минуту.

Марина посмотрела на Аллу.

Та едва заметно кивнула.

Марина вышла.

Орлов закрыл дверь.

— Хорошая работа.

— Вы смотрели?

— Да.

— Камера?

— Нет. Стекло.

Алла обернулась.

Снаружи действительно был коридор, а дальше зона руководителей. Она не заметила его.

— Воронцов доволен, — сказал Орлов.

— Это заслуга команды.

— Не прячьтесь за команду.

Она устало усмехнулась.

— Вы повторяетесь.

— А вы повторяете ошибку.

— Хорошо. Это и моя заслуга.

— Лучше.

Она посмотрела на него.

Внутри еще сидело сообщение Максима.

Спроси его про девушку по имени Лена.

Алла не хотела спрашивать.

Но молчание уже становилось ложью.

— Мне снова написал Максим.

Лицо Орлова сразу изменилось.

— Что?

Она открыла сообщение и протянула телефон, но вспомнила его слова и остановилась.

— Прочитать?

— Да.

Она прочитала.

Когда прозвучало имя Лена, Орлов застыл.

Не сильно.

Но Алла уже научилась видеть.

Его лицо не исказилось, не побледнело, не выдало яркой эмоции.

Просто все в нем стало неподвижным.

Слишком.

— Кто такая Лена? — спросила Алла.

Он молчал.

И это молчание стало ответом страшнее любого признания.

— Значит, она была, — сказала Алла.

— Да.

Сердце неприятно кольнуло.

Глупо.

Она не имела права ревновать.

Не имела права вообще чувствовать что-то подобное.

Но почувствовала.

— И что с ней случилось?

Орлов подошел к столу, положил ладони на спинку кресла.

— Ее звали Елена Крайнова. Она работала у нас в финансовом отделе. Три года назад.

— И?

— Она была одним из людей, кто обнаружил схему с подрядчиками.

— Лазарев?

— Да.

— Она пострадала?

Орлов закрыл глаза на секунду.

Когда открыл, взгляд был тяжелым.

— Она исчезла.

Алла почувствовала, как у нее похолодели пальцы.

— Что значит исчезла?

— Официально уволилась и уехала. Неофициально — перед этим она должна была передать мне документы. Но не пришла на встречу. Телефон отключился. Квартира была пустая. Через неделю пришло заявление об увольнении с электронной подписью.

— Ее искали?

— Да.

— Нашли?

— Нет.

Алла сделала шаг назад.

— И вы мне не сказали?

— А должен был?

— Максим угрожает мне, пишет про нее, преследует, а вы молчали о женщине, которая исчезла после похожей истории!

— Это не похожая история.

— Откуда вы знаете?

— Потому что Лена была внутри схемы.

Алла замерла.

— Что?

Орлов произнес каждое слово ровно, но в голосе была сталь.

— Она не просто обнаружила документы. Она помогала их проводить. Потом, видимо, решила выйти из игры и передать доказательства мне.

— Вы уверены?

— Да.

— Или вам так удобно думать?

Его глаза резко потемнели.

— Осторожно.

— Нет. Не буду осторожно. Вы сами говорили, что любите правду. Вот и я хочу правду. Максим пишет мне про девушку, которая исчезла. Вы говорите, она была виновата. Очень удобно для всех, кто остался.

Он подошел ближе.

— Вы думаете, я причастен?

Алла не ответила сразу.

И эта пауза стала ударом.

Орлов понял.

В его лице что-то закрылось.

— Понятно.

— Я не сказала да.

— Вы не сказали нет.

— А что я должна думать? Я знаю вас четыре дня!

— Тогда думайте фактами, а не страхом.

— Факты у вас. У меня только угрозы и ваши недомолвки.

Он резко отвернулся к окну.

Впервые за все время Алла увидела, что задела его по-настоящему.

Не самолюбие.

Не власть.

Что-то глубже.

— Лена была моей ошибкой, — сказал он тихо.

Алла застыла.

— В каком смысле?

Он не оборачивался.

— Я ей доверял.

— Как сотруднице?

Пауза.

— Не только.

Вот оно.

Словно холодная вода на голову.

Алла почувствовала, как внутри что-то сжалось неприятно и остро.

Конечно.

У такого мужчины было прошлое.

Женщины.

Истории.

Ошибки.

Она не имела к этому никакого отношения.

Но почему-то стало больно.

— Вы были вместе?

— Недолго.

— И она исчезла.

— Да.

— После того как решила передать вам документы.

— Да.

Алла отвернулась.

Ей вдруг стало тесно в переговорной.

Стеклянные стены, стол, папки, город за окном — все давило.

— Я не пойду к мосту, — сказала она.

— Конечно не пойдете.

— Но я хочу знать, что у него за документы.

— Это приманка.

— Возможно.

— Не возможно. Точно.

— Но вдруг там правда?

Орлов резко повернулся.

— Правда не стоит вашей жизни.

Она вздрогнула.

Он понял, что сказал слишком жестко, и тише добавил:

— Не ходите туда.

— Вы приказываете?

— Прошу.

Алла замолчала.

Просьба из его уст звучала почти непривычно.

— А что вы будете делать?

— Поеду вместо вас.

— Нет.

— Алла...

— Нет. Если это ловушка, вы сами это сказали.

— Именно поэтому вы туда не поедете.

— А вы бессмертный?

Он почти усмехнулся, но без радости.

— Нет.

— Тогда почему ваша жизнь, по-вашему, стоит меньше моей?

Этот вопрос остановил его.

Алла сама не ожидала, что скажет это.

Они смотрели друг на друга через расстояние в несколько шагов, а между ними стояли Максим, исчезнувшая Лена,

прошное Орлова, страх Аллы и что-то еще — слишком живое, слишком сильное, чтобы назвать это просто интересом.

— Я поеду не один, — сказал он наконец.

— С охраной?

— Да.

— И полицией?

— Посмотрим.

— Нет. Не посмотрим. С полицией.

Он прищурился.

— Вы торгуетесь даже сейчас?

— Я учусь у лучших.

В уголке его губ мелькнула тень улыбки.

Но тут же исчезла.

— Хорошо. Я передам информацию юристу и полиции.

Встречу у моста будут контролировать.

— И вы не пойдете один?

— Нет.

— Обещаете?

Он посмотрел на нее внимательно.

— Да.

И почему-то именно это обещание испугало ее сильнее всего.

Потому что ей стало важно, чтобы он его сдержал.

Вечер опустился на город быстро.

Алла должна была ехать домой, но Марина настояла, чтобы она осталась в офисе до завершения операции у моста.

Операции.

Слово звучало как из криминального сериала, но реальность была хуже любого сериала, потому что в ней у Аллы дрожали руки, а телефон лежал перед ней на столе, и каждые пять минут она проверяла экран.

В семь часов Орлов был у старого моста.

Не один.

С охраной.

С полицией неподалеку.

Алла знала только это.

Потом связь пропала.

На двадцать шестом этаже почти никого не осталось. Катя сидела рядом, хотя давно могла уйти. Марина ходила по кабинету, говорила по телефону, коротко отвечала, снова звонила.

В семь двадцать пришло сообщение от неизвестного номера.

Фото.

Алла открыла — и кровь застыла.

На снимке был Орлов.

Он стоял у моста.

А рядом с ним — женщина.

Худая.

В темном пальто.

Светлые волосы до плеч.

Лицо на фото было смазанным, но подпись под ним чита-

лась четко:

«Спроси его, почему он сказал тебе, что Лена исчезла.»

Следом пришло второе сообщение.

«Она жива. И она боится не меня.»

Алла подняла глаза на Марину.

— Марина...

Та подошла, посмотрела на экран.

И впервые за все время Алла увидела на ее лице настоящий страх.

Не раздражение.

Не усталость.

Не профессиональную тревогу.

Именно страх.

— Этого не может быть, — прошептала Марина.

— Это Лена?

Марина молчала.

И этого было достаточно.

Телефон снова завибрировал.

На этот раз звонил Орлов.

Алла ответила сразу.

— Артем Викторович?

На другом конце было слышно дыхание. Шум машин. Ветер.

Потом его голос.

Низкий.

Напряженный.

Совсем не похожий на обычный.

— Алла, где вы?

— В офисе. С Мариной.

— Оставайтесь там. Никуда не выходите.

— Что случилось?

Пауза.

— Лена жива.

Алла закрыла глаза.

— Я знаю. Мне прислали фото.

— Кто?

— Максим. Или кто-то от него.

Она услышала, как он выдохнул. Тяжело. Сдержанно.

— Заприте этаж. Я еду.

— Что случилось у моста?

Он молчал секунду.

Другую.

Потом сказал:

— Она сказала, что Лазарев все это время работал не один.

— С кем?

Ответ Орлова прозвучал как удар.

— С кем-то из компании.

И связь оборвалась.

Алла стояла с телефоном в руке.

Марина смотрела на нее.

Катя побледнела.

Где-то в пустом офисе мигала лампа принтера, за окнами темнел город, а на тридцать восьмом этаже, возможно, уже двигались тени людей, которые много лет прятали правду.

Алла вдруг поняла: охота была не за ней одной.

Ее просто поставили в центр круга, чтобы выманить тех, кто слишком долго оставался в темноте.

И самое страшное было не в том, что Лена жива.

А в том, что теперь неизвестно, кому можно верить.

Глава 5. Чужой среди своих

Связь оборвалась.

Просто исчезла.

Словно кто-то невидимый взял и перерезал тонкую нить, связывавшую Аллу с тем местом у старого моста, где сейчас находился Артем Викторович Орлов.

На экране телефона остался только темный прямоугольник заверщенного вызова.

Алла смотрела на него и не могла пошевелиться.

В ушах еще звучал его голос.

Низкий. Напряженный. Слишком чужой.

«Лазарев все это время работал не один.»

«С кем-то из компании.»

Эти слова будто раздвинули стены офиса.

Еще утром компания «Гранит Девелопмент» казалась Алле огромным механизмом: этажи, отделы, руководители, сделки, клиенты, звонки, документы, совещания. Да, жестким. Да, холодным. Да, со своими правилами, в которых новенькой стажерке приходилось учиться дышать.

Но механизм все равно казался понятным.

А теперь вдруг оказалось, что внутри него годами мог жить кто-то чужой.

Кто-то, кто улыбался в коридорах. Подписывал документы. Пил кофе у той же кофемашины. Поздравлял коллег с

днем рождения. Участвовал в планерках. Смотрел в глаза Артему Орлову и, возможно, Алле тоже.

И в это же время передавал информацию Лазареву.

Прятал следы.

Манипулировал людьми.

Ждал.

Алла медленно подняла глаза.

Марина стояла напротив. Лицо у нее было бледным, но собранным. Только пальцы, сжимавшие край стола, выдавали напряжение.

Катя сидела рядом с открытым ноутбуком и уже не пыталась делать вид, что случайно задержалась на работе. Ее рыжие волосы выбились из хвоста, глаза были огромные.

— Что значит «с кем-то из компании»? — прошептала Катя.

Марина резко посмотрела на нее.

— Это значит, что ты сейчас закрываешь все рабочие чаты, не пишешь никому ни слова, не звонишь подружкам из ипотечного отдела и не обсуждаешь это даже мысленно слишком громко.

— Марина...

— Катя, я серьезно.

Катя побледнела еще сильнее.

— Я поняла.

Алла сжала телефон.

— Он сказал запереть этаж.

Марина сразу двинулась к двери.

— Значит, запираем.

— Разве можно?

— Сейчас можно все, что не запрещено уголовным кодексом. А иногда и то, что запрещено, если потом правильно объяснить.

Она вышла в коридор.

Алла и Катя пошли следом.

Двадцать шестой этаж вечером выглядел странно.

Днем здесь кипела жизнь, звонили телефоны, спорили менеджеры, хлопали двери переговорных, пахло кофе и напряжением. Сейчас же свет был приглушен, половина рабочих мест пустовала, мониторы светились черными экранами, а за стеклянными перегородками тянулись длинные отражения.

Где-то в дальнем углу уборщица собирала мусор.

У кофемашины стоял Игорь из ипотечного отдела и что-то смотрел в телефоне.

В кабинете руководителя смежного отдела еще горел свет.

Обычный вечерний офис.

И именно от этой обычности становилось страшно.

Потому что теперь каждый человек в нем мог быть просто уставшим сотрудником.

Или нет.

Марина подошла к администратору этажа — молодому парню по имени Тимур, который отвечал за пропуска посетителей, переговорные и мелкие организационные вопросы.

— Тимур, закрывай вход с лифтов на этаж. Никого не впускать и не выпускать без моего согласования.

Тимур оторвался от экрана.

— В смысле?

— В прямом. Блокируй доступ по гостевым пропускам. Сотрудникам скажи, что техническая проверка системы безопасности.

— Марина Сергеевна, я так не могу без распоряжения службы безопасности.

— Распоряжение будет через минуту.

— Но...

Марина наклонилась к нему чуть ближе.

— Тимур, сейчас ты либо делаешь, что я сказала, и потом я лично объясняю, почему ты молодец, либо через пять минут сюда поднимется Орлов и объяснит, почему ты уже не работаешь здесь. Выбирай.

Тимур сглотнул.

— Понял.

Он быстро начал что-то нажимать на компьютере.

Катя тихо сказала Алле:

— Я думала, Марина страшная на планерках. Оказывается, это была демоверсия.

Алла нервно усмехнулась, но улыбка тут же исчезла.

Телефон молчал.

Это было хуже звонка.

Хуже сообщения.

Молчание давало слишком много места для воображения.

Что там произошло у моста?

Почему связь оборвалась?

Где сейчас Орлов?

С Леной?

С полицией?

С охраной?

Жив ли Максим поблизости, или он просто дергает ниточки издавека?

И кто в компании помогает ему?

— Алла.

Голос Марины вывел ее из оцепенения.

— Да?

— В мой кабинет. Сейчас.

Они вернулись втроем.

Марина закрыла дверь, опустила жалюзи на стеклянной стене. Затем достала из ящика стола старый кнопочный телефон.

Алла удивленно посмотрела.

— Что это?

— Паранойя, которая однажды уже спасла мне нервы.

Марина набрала номер.

— Сергей? Это я. Поднимись на двадцать шестой. Да, сейчас. Нет, не через десять минут. Сейчас.

Она отключилась.

— Кто это? — спросила Алла.

— Начальник внутренней безопасности. Не службы охраны у турникетов, а нормальный человек, который понимает, что бумаги иногда врут красивее людей.

— Ему можно доверять?

Марина посмотрела на нее.

— Сегодня хороший вопрос ко всем.

Катя тихо села на стул.

— Мне страшно.

Марина обернулась.

— Мне тоже. Но если мы сейчас начнем паниковать, станет еще хуже.

— А если этот человек на этаже? — спросила Алла.

Марина не ответила сразу.

И от этого стало понятно: да, такая возможность есть.

— Поэтому никто никуда не выходит, — сказала она. — И никто не остается один.

Слова повисли в воздухе.

Никто не остается один.

Для Аллы это прозвучало почти странно.

Она так привыкла справляться сама, что сама мысль о том, что теперь рядом есть люди, казалась ненадежной. Как мост из тонкого стекла: красивый, прозрачный, но неизвестно, выдержит ли.

Минут через пять в дверь постучали.

Марина открыла.

В кабинет вошел мужчина лет сорока пяти. Невысокий,

плотный, в сером пиджаке без галстука. Лицо у него было неприметное, такое, которое легко забыть в толпе, но глаза — внимательные, цепкие, холодные.

— Сергей Николаевич, — сказала Марина. — Ситуация плохая.

— Я уже понял по голосу.

Он посмотрел на Аллу.

— Смирнова?

— Да.

— Покажите телефон.

Алла напряглась.

Сергей Николаевич сразу поднял ладонь.

— Не в руки. Экран.

Она открыла сообщения от Максима, фотографии, последние номера. Он смотрел молча, не перебивая, только иногда просил прокрутить выше.

Потом посмотрел на Марину.

— Орлов в пути?

— Был. Связь оборвалась.

— Когда?

— Минут десять назад.

— Охрана с ним?

— Да.

Сергей Николаевич достал свой телефон, набрал номер, отошел к окну.

— Роман? Где шеф?.. Что значит не знаете?.. Машина

где?.. Понял. Отслеживайте маршрут. Мне каждые две минуты статус.

Он отключился.

Алла почувствовала, как страх снова поднимается волной.

— Что случилось?

Сергей Николаевич посмотрел на нее.

— Машина Артема Викторовича выехала от старого моста, но до офиса еще не доехала. Связь с водителем нестабильная.

— Нестабильная — это как?

— Это значит нестабильная.

— Не отвечайте мне как ребенку.

Он задержал на ней взгляд.

Возможно, хотел поставить на место. Но передумал.

— Это значит, что телефон водителя периодически пропадает из сети. Такое бывает в районе развязки, но сейчас мне это не нравится.

Алла села.

Ноги больше не держали.

Катя положила руку ей на плечо.

— Он приедет, — тихо сказала она. — Орлов же... ну...

Орлов.

Да.

Орлов.

Человек, который казался таким сильным, что сама мысль

о его уязвимости казалась неправильной.

Нелогичной.

Пугающей.

Алла вдруг поняла, что боится не просто за генерального директора, не просто за человека, который помог ей с юристом и приехал ночью к ее дому.

Она боится за мужчину, чей голос стал для нее за эти дни слишком важным.

Слишком быстро.

Слишком неправильно.

Слишком опасно.

— Что нам делать? — спросила Марина.

Сергей Николаевич повернулся к ней.

— Первое: блокируем доступы на этаж и в архивные системы по проекту трехлетней давности. Второе: проверяем, кто сегодня смотрел личное дело Смирновой, ее анкету, адрес, телефон. Третье: поднимаем журнал входящих на двадцать шестой и тридцать восьмой этажи за последние трое суток. Четвертое: никто из присутствующих не обсуждает это в корпоративной почте и мессенджерах.

— А Лена? — спросила Алла.

Он посмотрел на нее.

— Что Лена?

— Она жива. Орлов сказал.

Сергей Николаевич застыл.

Это была короткая, почти незаметная реакция.

Но после разговора с Орловым Алла уже научилась понимать: самые опасные новости взрослые люди встречают не криком, а тишиной.

— Он сам сказал? — спросил Сергей Николаевич.

— Да.

— Что именно?

— Что Лена жива. Что она сказала: Лазарев работал не один. С кем-то из компании.

Сергей Николаевич медленно выдохнул.

— Значит, началось.

Марина резко подняла голову.

— Ты знал?

— Я предполагал.

— И молчал?

— У меня не было доказательств.

Марина шагнула к нему.

— Три года не было доказательств?

— Марина, не сейчас.

— А когда? Когда стажерку начнут таскать по мостам и присылать ей фотографии?

— Я сказал, не сейчас.

Его голос стал жестким.

Марина замолчала, но в глазах у нее горела злость.

Алла смотрела то на одного, то на другого.

— Что вы предполагали?

Сергей Николаевич неохотно повернулся к ней.

— После истории с подрядчиками было понятно: Лазарев не мог провести все без внутренней помощи. У него были документы, графики платежей, доступ к служебной информации, сведения о проверках. Это не добывается через случайные знакомства.

— Почему тогда никого не нашли?

— Потому что нашли слишком много мелких следов и ни одного главного. Все указывало на разных людей, но каждый раз доказательства рассыпались. Кто-то очень грамотно подставлял слабые звенья.

— А Лена?

— Она могла знать больше.

— И исчезла.

— Да.

— А теперь вернулась.

Сергей Николаевич ничего не сказал.

Телефон в его руке завибрировал.

Он посмотрел на экран.

Лицо стало каменным.

— Машина Орлова нашлась.

Алла вскочила.

— Где он?

Пауза длилась секунду.

Но за эту секунду Алла успела прожить целую жизнь.

— У въезда на парковку бизнес-центра, — сказал Сергей Николаевич. — Он здесь.

Алла не поняла, что делает, пока уже не оказалась в коридоре.

— Алла! — Марина бросилась за ней.

Но Алла не слушала.

Она шла к лифтам быстро, почти бегом.

В голове была только одна мысль: увидеть.

Убедиться.

Пока человек где-то далеко, он может быть сильным символом, фигурой, властью, боссом, опасностью. Но когда ты боишься за него — он становится просто человеком, который должен вернуться.

Лифт открылся.

Алла нажала кнопку подземной парковки.

Марина успела войти следом.

— Ты куда несешься?

— Мне надо...

— Что тебе надо?

Алла не нашла, что ответить.

Марина вздохнула, но не остановила.

— Ладно. Но я с тобой. Если Орлов начнет орать, скажу, что это я тебя толкнула.

— Он не будет орать.

— На тебя — возможно, нет. На меня — с удовольствием.

Лифт спускался слишком медленно.

Когда двери открылись на уровне парковки, Алла сразу увидела людей.

Охрана.

Сергей Николаевич, видимо, успел спуститься другим лифтом или по служебному пути.

Черный автомобиль Орлова стоял у въезда.

Передняя фара была разбита.

На боку — длинная царапина.

У Аллы сердце ушло в пятки.

Дверь открылась.

И из машины вышел Орлов.

Живой.

На ногах.

В темном пальто, с рассеченной скулой и кровью у виска.

Алла замерла.

Он поднял глаза и увидел ее.

И в его взгляде сначала мелькнуло раздражение.

Потом облегчение.

Потом что-то такое, от чего у Аллы сжалось горло.

— Я сказал оставаться на этаже, — произнес он.

Голос был хриплым.

Но это был его голос.

Живой.

Настоящий.

Алла сделала шаг к нему.

— А я не ваша подчиненная вне рабочего времени.

Марина тихо пробормотала:

— Началось.

Орлов смотрел на Аллу несколько секунд.

Потом неожиданно почти улыбнулся.

— Сейчас рабочее.

— Тогда оформите выговор.

— Оформлю.

— После врача.

Его улыбка исчезла.

— Со мной все в порядке.

Алла посмотрела на кровь у его виска.

— Конечно. Просто машина решила слегка украсить стену, а ваша скула — асфальт.

Один из охранников кашлянул, пряча усмешку.

Орлов бросил на него короткий взгляд, и тот сразу стал серьезным.

— Это не асфальт, — сказал Орлов.

— Мне все равно. Вам нужен врач.

— Алла.

— Артем Викторович.

Они смотрели друг на друга посреди подземной парковки, среди охраны, царапин на машине, запаха бензина и холодного бетонного воздуха.

И вдруг Алла поняла, что уже не может спрятаться за обращением по имени-отчеству.

Потому что ее руки дрожали не от страха за себя.

От страха за него.

Орлов тоже это понял.

Поэтому его взгляд стал мягче.

Совсем немного.

Так, что заметила только она.

— Врач уже едет, — сказал Сергей Николаевич. — На тридцать восьмой.

— Хорошо, — Орлов повернулся к охране. — Периметр закрыть. Записи с камер с момента выезда машины со старого моста до въезда сюда — мне через двадцать минут. Водителя осмотреть.

— Артем Викторович, — сказала Алла резко. — Сначала врач.

Он посмотрел на нее.

— Вы всегда такая настойчивая?

— Только когда люди делают вид, что кровь на лице — это аксессуар.

Марина снова тихо сказала:

— Господи, дай мне сил дожить до премии.

Орлов перевел взгляд на нее.

— Марина Сергеевна, вернитесь с Аллой на этаж.

— Нет, — сказала Алла.

— Это не просьба.

— А я не соглашение.

Сергей Николаевич вмешался:

— Артем, сейчас правда лучше подняться всем. Здесь небезопасно торчать толпой.

Орлов сдержал раздражение.

— Хорошо.

Они поднялись на тридцать восьмой этаж.

В кабинете Орлова стало слишком много людей: врач из частной клиники, Сергей Николаевич, охрана, Марина, Алла, секретарь Елена Павловна, бледная, но молча выполняющая распоряжения.

Врач обработал рассечение, осмотрел зрачки, задал несколько вопросов.

— Сотрясения, на первый взгляд, нет, — сказал он. — Но я все равно рекомендую КТ.

— Не нужно, — ответил Орлов.

— Нужно, — сказала Алла одновременно с врачом.

Врач посмотрел на нее с благодарностью.

— Вот. Слушайте разумного человека.

Орлов сухо ответил:

— Этот разумный человек работает у меня третий день.

— Четвертый, — поправила Алла.

— Тем более.

Врач наложил пластырь на рассечение у виска.

— Я оставлю рекомендации. В ближайшие сутки наблюдение. При головокружении, тошноте, сонливости — срочно в клинику. И да, КТ все-таки лучше сделать.

— Спасибо, — сказала Алла.

Орлов посмотрел на нее.

— Он мне говорил.

— А я закрепила.

Когда врач ушел, кабинет наконец опустел частично. Остались только Орлов, Сергей Николаевич, Марина и Алла.

На столе лежала папка, которую привез Орлов.

Старая.

Потрепанная.

Перевязанная резинкой.

Алла смотрела на нее как на живую.

— Это от Лены? — спросила она.

Орлов кивнул.

— Да.

— Она правда жива?

— Да.

— Где она?

— Под защитой.

— Чьей?

— Пока моей.

Алла напряглась.

Он заметил.

— И полиции.

— Лучше.

Он ничего не ответил.

Сергей Николаевич подошел к столу.

— Что в папке?

Орлов развязал резинку.

— Копии договоров. Платежные цепочки. Внутренняя переписка. И список людей, которые имели доступ.

Марина медленно села.

— Лена хранила это три года?

— Она сказала, что боялась выйти. Сначала Лазарева. Потом того, кто был выше.

— Кто выше? — спросила Алла.

Орлов достал лист.

Посмотрел.

Лицо его не изменилось, но пальцы чуть сильнее сжали бумагу.

— Она не знает имени. Только должность и несколько косвенных признаков.

— Каких? — спросил Сергей Николаевич.

Орлов положил лист на стол.

— Человек из верхнего контура управления. Доступ к финансовым согласованиям. Возможность влиять на службу безопасности. И, главное, доступ к личным данным сотрудников.

Алла похолодела.

— Мой адрес.

— Да, — сказал Орлов.

Марина закрыла глаза.

— Значит, это не рядовой менеджер.

— Нет.

— Кто имеет такой доступ? — спросила Алла.

Сергей Николаевич посмотрел на нее.

— HR-директор, часть юротдела, безопасность, финди-

ректор, аппарат генерального, отдельные руководители направлений при согласовании командировок и выплат.

— То есть много людей.

— Достаточно.

Алла невольно посмотрела на Орлова.

— Вам нельзя никому доверять.

Он встретил ее взгляд.

— Я давно это умею.

— Но кому-то же вы доверяли.

Пауза.

Лена.

Она не произнесла имени, но оно все равно возникло между ними.

Орлов понял.

И отвел глаза первым.

Алле стало стыдно.

Не потому что она была виновата.

А потому что боль в его лице оказалась настоящей.

— Простите, — сказала она тихо.

Он посмотрел на нее удивленно.

— За что?

— За то, что раньше сказала. В переговорной. Что вам удобно считать Лену виноватой.

Сергей Николаевич и Марина переглянулись, но промолчали.

Орлов долго смотрел на Аллу.

— Она действительно была виновата.

Алла опустила глаза.

— Но это не значит, что вам было не больно.

Он ничего не сказал.

И это молчание было самым честным ответом.

Телефон Сергея Николаевича завибрировал.

Он открыл сообщение.

— Есть записи с парковки. Машину Орлова подрезали у развязки. Номера закрыты грязью. Удар был не случайный.

Алла почувствовала, как пальцы вцепились в край кресла.

— Лазарев?

— Возможно, его люди, — ответил Сергей Николаевич.

— Но мне больше интересно, откуда они знали маршрут.

Орлов посмотрел на него.

— Маршрут знали только ты, водитель, охрана и я.

— И тот, кто мог видеть геопозицию машины, — сказал Сергей Николаевич.

Марина резко подняла голову.

— Служебный автопарк.

— Да.

— У кого доступ?

Сергей Николаевич мрачно усмехнулся.

— Вот теперь список сужается.

Орлов взял телефон.

— Заблокировать доступ диспетчерской автопарка. Всех сотрудников, кто был на смене, оставить в здании до провер-

ки.

Марина тихо сказала:

— Артем, если человек наверху, он уже поймет, что круг сужается.

— Пусть поймет.

— Он может ударить первым.

— Поэтому мы ударим быстрее.

В его голос вернулась сталь.

Та самая, из-за которой люди на ресепшене выпрямлялись, менеджеры говорили тише, а подрядчики вспоминали сроки.

Но теперь Алла видела еще и другое.

Под этой сталью была кровь у виска.

Боль, которую он не показывал.

И вина за женщину, которую когда-то не смог защитить.

Лена.

Живая.

Вернувшаяся.

И Алла вдруг поняла: эта история для Орлова не про деньги. Не про репутацию. Не даже про власть.

Это про прошлую ошибку.

А прошлые ошибки люди часто пытаются исправить чужими жизнями.

Она встала.

— Мне нужно домой.

Все посмотрели на нее.

Орлов первым.

— Нет.

Она устало закрыла глаза.

— Мы опять?

— Сегодня вы не поедете туда.

— Я не хочу оставаться здесь.

— Я не предлагаю здесь.

— Я не поеду в вашу квартиру.

— И это не предлагаю.

— Тогда куда?

Марина тихо сказала:

— Ко мне.

Алла повернулась.

— Что?

— Поедешь ко мне. У меня двухкомнатная. Муж в командировке, сын у бабушки. Диван свободен, кот наглый, но переживешь.

— Марина, я не могу.

— Можешь.

— Я не хочу вас втягивать.

— Поздно. Я уже по шею в этом болоте, так что хотя бы чай нормальный попьем.

Алла смотрела на нее, не зная, что сказать.

Марина фыркнула:

— Только не плачь. Я от слез молодею плохо.

Алла почти улыбнулась.

— Спасибо.

Орлов молча наблюдал.

В его взгляде было облегчение.

И что-то еще.

Возможно, благодарность Марине за то, что она предложила то, чего он сам не мог предложить, не превратив это в новый повод для Аллы отступить.

— Охрана довезет, — сказал он.

Алла открыла рот.

— Это не обсуждается, — перебила Марина. — Со мной спорить хуже, чем с ним. У него хотя бы кабинет красивый, а я могу орать прямо в лифте.

Алла выдохнула.

— Хорошо.

Слово далось трудно.

Но уже легче, чем раньше.

Хорошо.

Принять помощь.

Не сдаться.

Не стать обязанной.

Просто выжить эту ночь.

Пока Марина собирала вещи на двадцать шестом, Алла осталась на минуту в коридоре у лифта.

Орлов вышел следом.

— Вы правильно делаете.

— Не начинайте.

— Я хотел сказать только это.

Она посмотрела на него.

Пластырь у виска делал его неожиданно более реальным. Не бронзовой фигурой из стеклянного кабинета. Не хищником. Не боссом, который интересуется стажеркой как добычей.

Мужчиной, которого сегодня могли убить.

— Сделайте КТ, — сказала она.

— Завтра.

— Сегодня.

— Алла.

— Артем.

Она сама не поняла, как произнесла.

Без Викторовича.

Просто имя.

Он замолчал.

В воздухе что-то изменилось.

Тонко.

Почти незаметно.

Но оба слышали.

Алла тут же отвела взгляд.

— Простите.

— Не надо.

Его голос стал ниже.

— Не извиняйтесь.

Она молчала.

Лифт не приходил слишком долго.

И эти несколько секунд показались опаснее всех угроз Максима.

Потому что с Максимом все было ясно: опасность, контроль, прошлое.

А с Орловым не было ясно ничего.

Он стоял рядом, не касался ее, не делал ни шага ближе, но Алла чувствовала его сильнее, чем если бы он взял ее за руку.

— Лена сказала что-то обо мне? — спросила она, чтобы разрушить эту тишину.

Орлов чуть нахмурился.

— О вас?

— Почему Максим выбрал меня? Только потому что я его бывшая и работаю здесь?

— Возможно.

— А если нет?

Он не ответил сразу.

— Лена сказала, что Лазарев любит символы.

— Что это значит?

— Он не просто мстит. Он строит сцены. Подбирает людей так, чтобы удар был болезненнее.

Алла тихо усмехнулась.

— Значит, я декорация?

— Нет.

— Тогда кто?

Орлов посмотрел на нее прямо.

— Крючок.

Слово было неприятным.

Но точным.

— Для вас?

— Да.

Алла почувствовала, как сердце сжалось.

— Он хотел выманить вас через меня.

— И выманил.

— Вы злитесь?

— На него.

— На меня?

Орлов сделал шаг ближе.

Совсем небольшой.

— Алла, если я когда-нибудь буду злиться на вас, вы поймете. Сейчас я думаю только о том, что Лазарев сделал ошибку.

— Какую?

Взгляд Орлова стал темным.

— Он решил, что вы слабое место.

— А я не слабое?

— Нет.

Алла почему-то не почувствовала облегчения.

— А что я?

Он ответил не сразу.

Лифт наконец звякнул.

Двери раскрылись.

Но Орлов все еще смотрел на нее.

— Вы причина, по которой я больше не имею права ошибиться.

Эти слова ударили тише, чем признание.

И сильнее.

Алла не успела ответить.

Из лифта вышла Марина с сумкой.

— Так, романтические взгляды отложили до окончания криминального сезона. Алла, поехали.

Алла вспыхнула.

— Марина!

— Что? Я взрослая женщина, я все вижу.

Орлов посмотрел на Марину так, как смотрят начальники на сотрудников, которые слишком много себе позволяют.

Марина улыбнулась.

— Можете уволить меня утром. Сегодня у меня гостя.

И зашла в лифт.

Алла пошла следом.

Двери начали закрываться.

Орлов стоял в коридоре.

Прямой.

Сдержанный.

С пластырем у виска и тяжелой папкой чужих тайн в руке.

Алла смотрела на него до последней секунды.

И вдруг поняла: она больше не может честно сказать, что

хочет держаться от него подальше.

Она хотела.

Но уже не могла.

В квартире Марины было тепло, светло и удивительно спокойно.

Небольшая прихожая, детские кроссовки у стены, фотографии в рамках, запах стирального порошка и мяты. На кухне действительно сидел огромный серый кот, который посмотрел на Аллу так, будто она пришла устраиваться на его территорию без согласования.

— Это Барсик, — сказала Марина. — Он считает себя собственником квартиры. Игнорируй.

— Он меня уже осудил.

— Значит, принял.

Марина дала ей полотенце, чистую футболку и отправила в душ.

Горячая вода смыла часть страха.

Не весь.

Но достаточно, чтобы Алла смогла дышать.

Когда она вышла, на кухне стояли две кружки чая и тарелка с бутербродами.

— Ешь, — сказала Марина.

— Не хочу.

— Это не вопрос.

Алла села.

Кот устроился на соседнем стуле и продолжал смотреть.

Марина налила себе чай.

— Теперь слушай. Ночью телефон не выключаешь. Если приходит сообщение — не отвечаешь, скринишь. Если звонок — не берешь, кроме проверенных номеров. Утром едем вместе. Пока ситуация не прояснится, одна не ходишь.

— Я поняла.

— И еще.

Алла устало подняла глаза.

— Что?

— Не влюбляйся в Орлова только потому, что он оказался рядом в момент опасности.

Чай едва не попал не в то горло.

— Что?

— Ты слышала.

— Я не...

— Я не сказала, что уже. Я сказала — не делай этого только поэтому.

Алла резко поставила кружку.

— Он мой начальник.

— Угу.

— Он старше.

— Угу.

— Он... сложный.

— Мягко сказано.

— И у него была Лена.

Марина перестала улыбаться.

— Вот теперь мы подошли к важному.

Алла опустила взгляд.

— Расскажите.

Марина долго молчала.

— Я не знаю всего. Знаю только, что Лена была умной, красивой и очень амбициозной. Она пришла в финансовый отдел, быстро поднялась, умела нравиться нужным людям. Орлов тогда был другим.

— Каким?

— Более жестким. Более закрытым. Хотя казалось бы, куда еще. Он только закреплялся после конфликта с бывшими партнерами, строил компанию почти с нуля на обломках старых договоренностей. Никому не доверял. А Лене доверился.

— Они были вместе открыто?

— Нет. Но в офисе не бывает полностью тайных романов. Все видели, просто делали вид, что не видят.

Алла провела пальцем по краю кружки.

— Он любил ее?

Марина посмотрела внимательно.

— Тебе точно нужен ответ?

— Нет.

— Тогда не спрашивай вопросы, ответы на которые ранят без пользы.

Алла усмехнулась.

— Поздно.

Марина вздохнула.

— Думаю, да. По-своему. Может, не так, как нормальные люди любят. Орлов вообще в чувствах как бульдозер в цветочной лавке. Но она была для него важна.

Стало больно.

Неожиданно.

Нелогично.

Но больно.

— А она?

— А она, похоже, любила не только его. Еще власть, деньги, риск, себя в дорогих зеркалах. Не мне судить. Может, потом пожалела. Может, правда хотела все исправить. Но исчезла.

Алла тихо спросила:

— А если она вернулась не просто так?

— Никто не возвращается через три года просто так.

— Вы ей верите?

Марина покачала головой.

— Я не верю никому, кто появляется в нужный момент с папкой компромата. Но это не значит, что она врет.

За окном шумел ночной город.

У Аллы завибрировал телефон.

Обе замерли.

Сообщение от неизвестного номера.

Алла открыла.

«Он уже рассказал тебе, как спал с ней, пока она

сливала его компанию? Или оставил это на потом?»

Алла почувствовала, как лицо каменеет.

Марина тихо выругалась.

— Не отвечай.

— Я и не собиралась.

Следом пришло второе.

Фото.

Старое.

Немного размытое.

На нем Орлов стоял рядом с Леной. Моложе. Жестче. В темном костюме. Лена улыбалась, положив руку ему на грудь. Красивая. Светлая. Уверенная.

Они выглядели парой.

Настоящей.

У Аллы внутри что-то неприятно сжалось.

Третье сообщение:

«Ты не первая, Алла. И не последняя. Он всегда выбирает тех, кого потом удобно ломать.»

Алла заблокировала экран.

Положила телефон на стол.

Ровно.

Аккуратно.

Слишком спокойно.

Марина наблюдала за ней.

— Алла.

— Все нормально.

— Нет.

— Марина, все нормально.

— Скажи это еще раз, и я поверю, что совсем плохо.

Алла резко встала.

— Я спать.

— Алла...

— Я не хочу говорить.

Марина не стала удерживать.

— Диван в комнате справа. Постель я постелила.

Алла ушла.

Легла на диван, отвернулась к стене и долго смотрела в темноту.

Ее трясло.

Не от страха теперь.

От ревности.

Глупой.

Ненужной.

Унизительной.

Какая она ему?

Никто.

Стажерка, которая попала в опасную историю. Крючок, как он сам сказал. Человек, за которого он чувствует ответственность, потому что уже однажды ошибся с Леной.

А Лена была другой.

Взрослой.

Красивой.

Опытной.

Женщиной из его мира.

Не девочкой из съемной комнаты, которая боится долгов, бывшего и собственной слабости.

Алла закрыла глаза.

— Не смей, — прошептала она себе. — Не смей ревновать.

Но сердце не слушалось.

Утром она проснулась от голосов на кухне.

Марина говорила по телефону.

— Нет, Артем. Она спит. Да, нормально. Нет, я не буду ее будить только потому, что ты решил контролировать дыхание сотрудников... Да, я понимаю. Но она живой человек, ей нужен сон. Что? Приехал? В смысле приехал?

Алла села на диване.

Сердце сразу забилось быстрее.

Через минуту Марина заглянула в комнату.

— Проснулась?

— Он здесь?

— Внизу.

— Зачем?

— Сказал, что едет в офис и заберет нас.

Алла закрыла лицо руками.

— Господи.

— Я тоже примерно так сказала.

Алла встала, быстро привела себя в порядок, надела вче-

рашнюю одежду. В зеркале она выглядела уставшей, но собранной.

На столе телефон снова завибрировал.

Сообщение.

Неизвестный номер.

«Спроси его, почему Лена боялась не Лазарева.

Спроси, кто подписал приказ о ее увольнении.»

Алла застыла.

Марина увидела ее лицо.

— Что там?

Алла показала.

Марина прочитала и нахмурилась.

— Приказ об увольнении?

— Что это значит?

— Если заявление пришло электронной подписью, приказ должен был подписать кто-то из руководства. Обычно HR и гендиректор или уполномоченный заместитель.

— Орлов?

— Не обязательно.

— Но возможно.

Марина молчала.

Алла взяла сумку.

— Поехали.

Орлов ждал у машины.

После вчерашнего он выглядел почти как обычно: темное пальто, сдержанное лицо, холодный взгляд. Только пластырь

у виска и небольшая тень усталости под глазами выдавали, что ночь была не спокойной.

Он посмотрел на Аллу.

— Доброе утро.

— Доброе.

Марина села вперед, оставив их сзади.

— Я сразу предупреждаю, — сказала она водителю, — если они начнут выяснять отношения, музыку погромче.

— Марина, — одновременно сказали Алла и Орлов.

Она улыбнулась.

— Вот видите, уже синхронно.

Машина тронулась.

Некоторое время все молчали.

Алла смотрела в окно.

Орлов — на нее.

Она чувствовала.

— Вам писали ночью, — сказал он наконец.

Не вопрос.

Алла повернулась.

— Да.

— Что?

Она открыла телефон и прочитала сообщения.

Про Лену.

Про фотографию.

Про приказ об увольнении.

На лице Орлова не дрогнул ни один мускул.

Но в машине стало холоднее.

— Приказ подписывал не я, — сказал он.

Алла посмотрела прямо.

— Кто?

— Мой заместитель на тот момент. Виктор Сеницын.

Марина резко повернулась с переднего сиденья.

— Сеницын?

— Да.

— Но он же ушел через полгода после скандала.

— В совет директоров партнерской структуры, — сказал

Орлов.

— И сейчас имеет доступ к компании? — спросила Алла.

Орлов молчал слишком долго.

— Формально нет.

— А неформально?

Он посмотрел в окно.

— Через людей — возможно.

Алла вспомнила слова Лены.

**Кто-то из компании. Верхний контур управления.
Доступ к финансам, безопасности, личным данным.**

— Это он? — спросила она.

— Пока рано говорить.

— Но вы думаете о нем.

— Да.

— Почему не сказали раньше?

Орлов медленно повернулся к ней.

— Потому что вчера ночью вы пережили угрозу, переезд, полицию, встречу с Леной, аварию и сообщения Лазарева. Я решил не добавлять вам еще одного призрака.

— Не надо решать, сколько правды я выдержу.

— Хорошо.

— Вы опять говорите «хорошо», когда просто не хотите спорить.

— Нет. Я говорю «хорошо», потому что вы правы.

Это обезоружило.

Алла отвернулась к окну.

— Ненавижу, когда вы так делаете.

— Как?

— Соглашаетесь в момент, когда я готова ругаться.

Марина спереди тихо хмыкнула.

Орлов почти улыбнулся.

— Учту.

Машина подъехала к бизнес-центру.

У входа было больше охраны, чем обычно. В холле проверяли пропуска внимательнее. Люди переглядывались, шептались, пытались понять, что происходит.

На двадцать шестом этаже царил странная деловая нервозность.

Половина сотрудников уже знала, что что-то случилось. Другая половина делала вид, что не знает, но слушала каждое слово в коридорах.

Алла села за свой стол.

И сразу увидела на мониторе открытый документ.

Она точно его не открывала.

На белом листе было написано всего одна фраза:

«Не доверяй Марине. Она знала про Лену больше

всех.»

Алла резко отшатнулась.

— Марина!

Та обернулась от своего кабинета.

— Что?

Алла указала на экран.

Марина подошла.

Прочитала.

Лицо ее стало серым.

Катя, стоявшая рядом, прикрыла рот рукой.

Сергей Николаевич, который как раз вышел из лифта, увидел их и ускорил шаг.

— Никто не трогает клавиатуру, — сказал он резко.

Алла отступила.

— Кто мог это сделать?

Он наклонился к монитору.

— Вход выполнен под вашей учетной записью.

— Я не входила.

— Значит, кто-то знает пароль. Или имеет админский доступ.

Марина смотрела на фразу.

Алла медленно повернулась к ней.

— Что это значит?

— Это ложь, — сказала Марина.

Но голос у нее дрогнул.

И Алла это слышала.

Марина тоже поняла.

— Алла...

— Вы знали про Лену больше?

Марина закрыла глаза на секунду.

— Да.

Тишина стала ледяной.

Катя прошептала:

— Марина...

— Я не врала тебе, — сказала Марина быстро. — Я не все сказала.

— Это другое?

— Иногда — да.

Алла почувствовала, как внутри снова рушится кусок доверия.

Вчера она спала у Марины.

Пила чай на ее кухне.

Слушала про Лену.

Думала, что рядом человек, который хотя бы не играет.

— Что именно вы не сказали?

Марина посмотрела на Сергея Николаевича.

Тот молчал.

Орлов появился в коридоре в тот же момент.

Видимо, ему уже сообщили.

— В мой кабинет, — сказал он.

— Нет, — ответила Алла.

Все посмотрели на нее.

Она стояла посреди отдела продаж, бледная, уставшая, но прямая.

— Нет. Не наверху. Не в вашем кабинете, где все решаете вы. Здесь. Я хочу услышать здесь.

Орлов сделал шаг к ней.

— Алла, это не для общего обсуждения.

— Тогда пусть все выйдут. Но я больше не пойду туда, где каждый из вас будет выдавать правду порциями, решая, сколько мне можно знать.

Марина опустила голову.

Сергей Николаевич сказал:

— Освободите переговорную.

Через минуту они сидели в стеклянной комнате: Алла, Орлов, Марина, Сергей Николаевич. Жалюзи были закрыты.

Алла смотрела на Марину.

— Говорите.

Марина провела ладонями по лицу.

Впервые она выглядела не сильной руководительницей, не саркастичной наставницей, не женщиной, которая держит отдел одной интонацией.

А человеком, который устал носить чужую тайну.

— Лена приходила ко мне за день до исчезновения, —

сказала она.

Алла замерла.

Орлов медленно повернулся к Марине.

— Что?

Марина не смотрела на него.

— Она пришла вечером. Попросила поговорить. Сказала, что боится. Что все зашло слишком далеко. Что у нее есть документы.

Орлов произнес очень тихо:

— Ты мне этого не сказала.

— Нет.

В его лице появилась такая холодная пустота, что Алле стало не по себе.

— Почему?

Марина сглотнула.

— Потому что она просила не говорить тебе.

— И ты послушала?

— Да.

— Почему?

Марина наконец подняла глаза.

— Потому что она сказала, что не знает, можно ли тебе доверять.

Тишина ударила по комнате.

Орлов застыл.

Даже Сергей Николаевич отвел взгляд.

Алла почувствовала, как эти слова попали в него сильнее,

чем вчерашний удар машины.

— Почему она так сказала? — спросила Алла.

Марина смотрела только на нее.

— Лена утверждала, что приказ о некоторых платежах шел не через Синицына. Что финальные согласования появлялись с электронного ключа Артема.

Орлов резко сказал:

— Это ложь.

— Я знаю.

— Нет, ты не знаешь. Ты решила молчать.

— Я испугалась!

Марина впервые повысила голос.

— Да, испугалась! Мне тогда было тридцать два, я только стала руководителем группы, у меня ребенок маленький, ипотека, больная мать. Ко мне приходит женщина из финансового отдела, любовница генерального, трясется, говорит, что вокруг схема, что кто-то использует электронные подписи, что она не знает, кто настоящий враг. Она просит меня передать папку только если с ней что-то случится. А на следующий день исчезает.

Алла тихо спросила:

— Вы передали?

Марина закрыла глаза.

— Нет.

Орлов медленно отступил на шаг.

— Папка была у тебя?

— Копия. Не та, что вчера у Лены. Другая.

— Где она?

Марина молчала.

— Где? — голос Орлова стал опасно тихим.

— Я спрятала.

— Три года назад?

— Да.

— И молчала.

— Да.

— Пока людей увольняли, пока Сергей искал следы, пока

я...

Он не договорил.

Но это было и не нужно.

Марина плакала уже без слез. Лицо сухое, голос рваный.

— Я думала, если скажу, меня тоже убьют. Я не герой,
Артем. Я обычная женщина, которая хотела вырастить сына.

— И сейчас?

— Сейчас они сами меня нашли.

Алла нахмурилась.

— Кто?

Марина достала телефон и открыла сообщение.

— Вчера ночью. После того как ты уснула.

На экране было:

**«Отдай то, что оставила Лена. Иначе Алла узнает,
что ты три года молчала.»**

Алла почувствовала, как внутри все похолодело.

— Поэтому утром вы были такая...

— Да.

— Почему не сказали?

— Потому что собиралась сказать. В офисе. Орлову. Но потом...

— Потом они открыли документ на моем компьютере.

— Да.

Сергей Николаевич мрачно сказал:

— Значит, они знали, что папка у тебя.

Марина кивнула.

— Значит.

Орлов смотрел на нее так, будто за несколько минут между ними рухнули годы доверия.

— Где копия, Марина?

Она вытерла лицо ладонью.

— В банковской ячейке.

— Доступ?

— У меня. И у нотариуса по доверенности, которая активируется, если со мной что-то случится.

Сергей Николаевич тихо присвистнул.

— Для человека, который говорит, что не герой, ты неплохо подготовилась.

Марина горько усмехнулась.

— Паранойя, как я говорила, иногда спасает нервы.

Орлов подошел к окну, хотя жалюзи были закрыты.

Он стоял спиной к ним.

Алла смотрела на его плечи.

Напряженные.

Неподвижные.

Ей хотелось сказать что-то.

Но что?

Он только что узнал, что Марина три года скрывала доказательства. Что Лена не доверяла ему. Что, возможно, его электронную подпись использовали. Что круг предательства был намного ближе, чем он думал.

И Алла вдруг поняла: сильные люди падают не тогда, когда их бьют снаружи.

А когда внутри рушится то небольшое, на что они опирались.

— Мы едем за папкой, — сказал Орлов наконец.

Марина кивнула.

— Да.

— Сейчас.

— Да.

— Сергей, готовь машину и группу. Без служебного автопарка. Наших не берем, кроме проверенных.

— Понял.

Алла встала.

— Я еду с вами.

Орлов резко повернулся.

— Нет.

— Да.

— Исключено.

— Это касается меня.

— Это касается внутренних документов трехлетней давности.

— И человека, который использует меня как крючок. Ваши слова.

— Именно поэтому вы остаетесь в офисе.

Алла подошла ближе.

— В офисе, где кто-то открыл мой компьютер?

Он замолчал.

— Я не останусь одна среди людей, которым теперь нельзя доверять, — сказала она. — Или еду с вами, или ухожу сама.

— Это шантаж.

— Это выбор. Вы же любите, когда человек сам выбирает.

Марина тихо сказала:

— Артем, она права.

— Ты сейчас не в позиции советовать.

Марина вздрогнула, но приняла удар.

Алла резко посмотрела на него.

— Не надо.

— Что?

— Добивать ее.

Орлов медленно перевел взгляд на Аллу.

— Она скрывала доказательства.

— Да. Из страха. Вы тоже скрывали от меня правду из страха. Только называли это заботой.

Он словно получил пощечину.

Сергей Николаевич посмотрел в сторону.

Марина тихо прошептала:

— Алла...

Но Алла уже не могла остановиться.

— Я не оправдываю Марину. Но если сейчас мы начнем мерить, кто кому сколько не сказал, Лазарев выиграет, даже не выходя из тени.

Орлов смотрел на нее долго.

В его взгляде было раздражение.

Боль.

И, как ни странно, уважение.

— Вы едете в машине со мной, — сказал он наконец. — Не отходите ни на шаг. Выполняете указания Сергея. Без са-модетельности.

— Хорошо.

— Это не формальное «хорошо», Алла.

— Я поняла.

— Нет. Вы часто понимаете только ту часть, которая вам нравится.

— Артем.

Он замолчал.

Она снова назвала его по имени.

Уже не случайно.

— Я поняла, — сказала она тише. — Правда.

Через двадцать минут они спускались на парковку.

Не служебную.

К боковому выезду, где стоял неприметный темный микроавтобус и еще одна машина сопровождения. Сергей Николаевич говорил по телефону, Марина держалась рядом с Аллой, Орлов шел впереди.

Все было быстро, напряженно, почти нереально.

Алла успела подумать, что еще четыре дня назад волновалась из-за первой стажировки и планировок квартир.

А теперь едет за спрятанной папкой, которая может вскрыть предателя в крупной строительной компании.

Жизнь иногда не меняется постепенно.

Иногда она хватается тебя за воротник и бросает в другую реальность.

В машине Орлов сел рядом с ней.

Марина — напротив.

Сергей Николаевич впереди.

Микроавтобус тронулся.

Алла смотрела на руки Марины.

Та сжимала сумку так сильно, что костяшки пальцев побелели.

— Где банк? — спросил Сергей.

— На Садовой, — ответила Марина. — Частное хранилище. Не основной банк.

— Хорошо.

Орлов молчал.

Алла чувствовала исходящее от него напряжение, но не

знала, имеет ли право что-то сказать.

Потом все-таки сказала:

— Вы ей не доверяли.

Он повернул голову.

— Кому?

— Лене.

— Доверял.

— Но не до конца.

— Иначе она бы не боялась говорить с вами?

Он смотрел на нее так, будто она озвучила мысль, которую он сам не хотел трогать.

— Возможно.

Алла тихо сказала:

— Это не всегда вина того, кому не доверяют. Иногда человек просто уже слишком запутался.

— Вы защищаете ее?

— Нет. Я просто думаю, что страх делает людей плохими свидетелями даже собственной жизни.

Марина подняла глаза.

Орлов тоже.

Алла отвернулась к окну.

— Я знаю, о чем говорю.

Никто не ответил.

До хранилища они доехали без происшествий.

И это даже насторожило.

Частное хранилище находилось в старом здании с колон-

нами и металлической вывеской. Внутри пахло холодным камнем, бумагой и деньгами. Администратор узнал Марину, но, увидев сопровождающих, заметно напрягся.

Процедура заняла несколько минут.

Документы.

Подписи.

Идентификация.

Охрана.

Потом Марину провели в отдельное помещение с ячейками.

Алла осталась в коридоре рядом с Орловым.

— Вы злитесь на нее, — сказала она.

— Да.

— Но она вам нужна.

— Да.

— И вы все равно ее не уволите.

Он посмотрел на нее.

— Вы уже решаете кадровые вопросы?

— Нет. Просто вы не увольняете людей, которые боятся, но все равно приходят с правдой. Даже поздно.

— Уверены?

— Нет. Надеюсь.

Он не ответил.

Дверь открылась.

Марина вышла с серой металлической коробкой в руках.

— Здесь.

Сергей Николаевич взял коробку, поставил на стол в комнате для просмотра.

Внутри была папка.

И флешка.

Старая, синяя, с поцарапанным корпусом.

Марина достала лист, лежавший сверху.

— Это записка Лены.

Орлов взял ее.

Алла не хотела читать.

Но он вдруг протянул лист ей.

— Читайте вслух.

Она удивилась.

— Я?

— Да.

— Почему?

Он посмотрел на нее так, что спорить не захотелось.

— Потому что вам я сейчас поверю быстрее, чем своим воспоминаниям.

Алла взяла лист.

Бумага чуть дрожала в пальцах.

Почерк был женский, быстрый, неровный.

Она начала читать.

— «Если ты это читаешь, значит, я не смогла прийти сама. Марина, прости, что втягиваю тебя. Я не знаю, кому верить. Артем не виноват, но кто-то использует его подпись. Сеницын знает больше, чем говорит. Лазарев только испол-

нитель. Главный человек рядом с Артемом. Очень рядом...»

Алла запнулась.

Орлов резко поднял голову.

— Дальше.

Она сглотнула.

— «Я боюсь, что это Е.П. Она имеет доступ ко всему: расписанию, документам, ключам, людям. Ее никто не замечает, потому что она всегда на своем месте. Если я ошибаюсь, значит, я уничтожаю невиновного человека. Если права — она уничтожит всех нас.»

В комнате стало так тихо, что было слышно, как гудит вентиляция.

Марина прошептала:

— Е.П.

Сергей Николаевич медленно сказал:

— Елена Павловна.

Секретарь Орлова.

Женщина, которая встречала Аллу на тридцать восьмом этаже.

Женщина с гладкой прической, спокойным голосом и безупречной осанкой.

Женщина, которая знала, кто приходил к Орлову.

Когда.

С какими документами.

Кому он звонил.

Где он был.

Кого вызывал.

Кому доверял доступ к своему расписанию и кабинету.

Алла вспомнила ее ровное лицо.

Без эмоций.

Без лишних слов.

«Артем Викторович вас ждет.»

Сердце похолодело.

Орлов забрал лист из ее рук.

Прочитал сам.

Медленно.

До конца.

На лице его не было ничего.

И именно это было страшно.

— Возвращаемся, — сказал он.

Сергей Николаевич уже набирал номер.

— Тридцать восьмой этаж блокировать. Елену Павловну не выпускать. Без шума. Да, немедленно.

Пауза.

Он нахмурился.

— Что значит ее нет?

Орлов повернулся.

— Что?

Сергей Николаевич включил громкую связь.

Голос охранника прозвучал напряженно:

— Елена Павловна покинула здание двадцать минут назад. Сказала, что по вашему распоряжению везет документы

в архив.

Орлов медленно закрыл глаза.

— Я не давал такого распоряжения.

Алла почувствовала, как пол уходит из-под ног.

Сергей Николаевич спросил:

— Какие документы?

Пауза.

— Личные дела стажеров и временных сотрудников.

Несколько папок из внутреннего архива.

Алла похолодела.

Орлов открыл глаза.

И посмотрел на нее.

Они оба поняли одновременно.

Елена Павловна забрала не просто документы.

Она забрала то, где была вся жизнь Аллы на бумаге.

Адрес матери.

Паспортные данные.

Контакты.

Анкета.

Слабые места.

Телефон Аллы завибрировал.

Сообщение.

Новый номер.

«Теперь ты понимаешь, девочка? Лазарев — не охотник. Он поводок. А держу его я.»

Следом пришла фотография.

Мама Аллы у подъезда своего дома.

Живая.

Ничего не подозревающая.

С пакетами в руках.

И подпись:

«Беги к своему боссу. Посмотрим, успеет ли он спасти всех.»

Алла не закричала.

Не заплакала.

Не упала.

Она просто подняла глаза на Орлова.

И впервые сказала без гордости, без сопротивления, без попытки доказать свою силу:

— Артем... помоги мне.

Глава 6. Когда просишь о помощи

Слова вырвались сами.

Не продуманные.

Не взвешенные.

Не гордые.

Без защиты, без сарказма, без той упрямой стены, за которой Алла пряталась последние месяцы от всего мира.

— Артем... помоги мне.

И едва она произнесла это, внутри что-то дрогнуло так болезненно, будто она не попросила помощи, а отдала кому-то последний ключ от себя.

В комнате частного хранилища стало тихо.

Слишком тихо.

Сергей Николаевич застыл с телефоном в руке. Марина побледнела так, будто сообщение пришло не Алле, а ей самой. Даже охранник у двери, высокий молчаливый мужчина в темной куртке, перестал смотреть в коридор и повернул голову.

Но Алла видела только Орлова.

Артема.

Уже не Артема Викторовича.

Не генерального директора.

Не босса с тридцать восьмого этажа.

Не хищника, который встретил ее взглядом в лифте и ска-

зал, что она не добыча.

Сейчас перед ней стоял мужчина, которому она только что впервые доверила самое страшное.

Не свою гордость.

Не работу.

Не долг.

Маму.

Единственного человека, на которого она всю жизнь злилась, обижалась, уставала, но все равно любила так, как любят тех, кто слишком слаб, чтобы быть опорой, и слишком родной, чтобы отпустить.

Орлов смотрел на экран ее телефона.

На фотографию женщины у подъезда.

На подпись.

«Беги к своему боссу. Посмотрим, успеет ли он спасти всех.»

Лицо его стало спокойным.

И от этого Алле стало еще страшнее.

Потому что она уже начинала понимать: когда Орлов действительно злился, он не кричал. Не бил кулаком по столу. Не срывался.

Он становился тихим.

Собранным.

Очень опасным.

Он медленно протянул руку.

— Дайте телефон.

Алла на секунду замерла.

Еще вчера она бы отступила.

Еще вчера сказала бы, что это личное.

Еще вчера испугалась бы, что помощь превратится в поводок.

Но сейчас на экране была мама.

Алла молча отдала телефон.

Орлов даже не взял его полностью в свои руки. Просто поставил рядом на стол, чтобы все видели экран, и повернулся к Сергею Николаевичу.

— Адрес матери есть?

Алла сама ответила:

— Да. В анкете. И у меня в телефоне.

— Фамилия, имя, отчество.

— Смирнова Татьяна Викторовна.

Голос дрогнул.

Она ненавидела это.

Ненавидела, что дрожит.

Ненавидела, что вся ее сила вдруг стала тонкой и ломкой, как стекло.

Орлов это заметил, но не посмотрел на нее с жалостью.

За это она была ему благодарна.

— Сергей, — сказал он, — две группы. Первая — к дому матери. Без сирен, без шума, но быстро. Найти, проверить, сопроводить в безопасное место. Вторая — к адресу Аллы. Соседей предупредить, вещи первой необходимости забрать,

квартиру осмотреть. Связь через защищенный канал.

— Понял.

Сергей Николаевич уже говорил кому-то в телефон:

— Группа один, адрес записывайте... Нет, не через общую диспетчерскую. Частный канал. Да. Женщина может не понимать угрозы, действовать спокойно. Не пугать. Представиться по линии безопасности компании дочери... Да, дочери. По прибытии видеозвонок.

Орлов повернулся к Марине.

— Вы звоните матери Аллы. С вашего телефона. Не с ее. Спокойно говорите, что Алла задерживается на работе и просит ее никуда не выходить. Без деталей. Нужно удержать ее в квартире до прибытия группы.

Марина кивнула.

— Номер?

Алла продиктовала.

Пальцы стали ледяными.

Марина набрала.

Гудки.

Один.

Второй.

Третий.

Алла слышала их будто внутри собственной головы.

— Не берет, — тихо сказала Марина.

Алла схватилась за край стола.

— Она часто не берет, если сумки несет. Или телефон в

кармане. Или...

— Еще раз, — сказал Орлов.

Марина набрала снова.

Гудки.

Четвертый.

Пятый.

— Да? — наконец послышался в трубке голос мамы.

Алла выдохнула так резко, что едва не всхлипнула.

Марина сразу включилась:

— Татьяна Викторовна? Добрый вечер. Меня зовут Мари-
на Сергеевна, я руководитель Аллы. Да, все в порядке. Ал-
ла сейчас на рабочей встрече, телефон у нее временно занят
документами, она попросила передать, чтобы вы были дома
и не выходили ближайший час. Она вам перезвонит.

Алла смотрела на Марину с немой благодарностью.

Но лицо Марины вдруг изменилось.

— Нет, не надо спускаться. Курьер подождет. Татьяна
Викторовна, послушайте меня внимательно...

Алла шагнула ближе.

— Что?

Марина прикрыла трубку ладонью.

— К ней кто-то звонит в домофон. Говорит, доставка.

У Аллы внутри все оборвалось.

— Нет, — прошептала она. — Нет, нет...

Орлов резко взял телефон у Марины.

— Татьяна Викторовна, слушайте меня. Это Артем Ор-

лов, руководитель вашей дочери. Не открывайте дверь. Ни домофон, ни квартиру. Отойдите от входной двери. Сейчас к вам поднимутся мои сотрудники и полиция. Да, это серьезно. Алла жива, она рядом со мной. Хотите услышать ее голос — сейчас услышите. Но сначала отойдите от двери.

Он протянул телефон Алле.

Она схватила его обеими руками.

— Мам!

— Аллочка? Что происходит? Какой-то мужчина говорит...

— Мам, пожалуйста, делай, что он сказал. Отойди от двери. Не открывай никому. Ты меня слышишь?

— Я слышу, но что случилось? Это из-за твоей работы? Алла, я же говорила, большие компании...

— Мам! — Алла почти сорвалась. — Пожалуйста. Просто отойди от двери. Сейчас. Прямо сейчас.

На том конце стало тихо.

Потом голос матери дрогнул:

— Хорошо. Отхожу. Я на кухне. Алла, мне страшно.

У Аллы сжалось сердце.

Она так часто злилась на мать за слабость, за вечные просьбы, за долги, за то, что ей самой приходилось быть взрослой слишком рано.

Но сейчас, услышав это детское «мне страшно», Алла вдруг поняла: мама тоже просто человек.

Не идеальный.

Не сильный.

Не всегда справедливый.

Но живой.

И она могла ее потерять.

— Я здесь, мам. Я с тобой. Только не открывай.

Орлов жестом показал Сергею Николаевичу: статус.

Тот кивнул, слушая на втором телефоне.

— Группа подъезжает. Три минуты.

Три минуты.

Алле показалось, что она умрет за эти три минуты.

В трубке послышался резкий звук домофона.

Мать ахнула.

— Опять звонят.

— Не подходи.

— Алла, а вдруг это правда курьер?

— Это не курьер.

— Откуда ты знаешь?

— Мам, просто поверь мне один раз без вопросов!

Тишина.

Потом мать тихо сказала:

— Хорошо.

Алла закрыла глаза.

В груди что-то болезненно сжалось.

Один раз без вопросов.

Сколько раз в жизни она мечтала сказать это?

Когда мать просила денег и не слушала, что у Аллы нет.

Когда оправдывала Максима: «Ну он же переживает за тебя».

Когда называла ее сильной, превращая любовь в обязанность.

А сейчас эти слова прозвучали не как обвинение.

Как мольба.

Марина стояла рядом, напряженная, белая.

Сергей Николаевич говорил тихо:

— Вошли во двор... подъезд видим... у домофона мужчина в кепке, пакет в руках... Не подходить вплотную. Сначала блокируйте выход... Да, есть визуальный контакт.

Алла открыла глаза.

— Что там?

Сергей поднял руку, прося тишины.

— Мужчина уходит. Группа два, перекрыть арку. Нет, без задержания пока, наблюдайте... Черт.

Орлов резко повернулся.

— Что?

— Ушел через черный ход магазина на первом этаже. Там проходной двор. Наши за ним.

Алла снова почувствовала, как мир наклоняется.

— Он уйдет?

— Не думайте об этом сейчас, — сказал Орлов.

— Не думать? Там моя мама!

— Именно. Сейчас главное — она.

В трубке послышался стук.

Мама вскрикнула.

— Алла!

— Не открывай! — закричала Алла.

— Это в дверь квартиры!

Орлов забрал телефон, включил громкую связь и сказал так спокойно, что даже Алла на секунду поверила, будто он контролирует всё:

— Татьяна Викторовна, подойдите к окну кухни. Посмотрите вниз. Вы должны увидеть двух мужчин у подъезда. Один в темной куртке, второй в сером пальто. Они сейчас поднимутся. Открывать будете только после того, как они назовут кодовую фразу.

Мама всхлипнула:

— Какую фразу?

Орлов посмотрел на Аллу.

Она растерялась.

— Что?

— Фразу, которую можете знать только вы и она.

Алла судорожно начала вспоминать.

Что-то детское.

Что-то простое.

Что-то не из документов.

— Мам, помнишь, как ты называла меня в детстве, когда я боялась грозы?

На другом конце повисла пауза.

Потом мать прошептала:

— Моя храбрая мышка.

У Аллы глаза наполнились слезами.

— Да. Откроешь только тем, кто скажет: «Храбрая мышка».

Орлов повторил фразу Сергею.

Сергей передал группе.

Стук в дверь повторился.

Мать начала плакать.

— Они стучат сильнее.

— Не открывай, — сказала Алла. — Слышишь? Не открывай.

— Аллочка...

— Мам, я рядом. Я здесь.

Сергей Николаевич резко сказал:

— Группа на этаже. Видят мужчину у двери. Контакт.

В телефоне вдруг раздался шум.

Крик.

Грохот.

Мать закричала.

Алла вскочила, но Орлов удержал ее за плечо.

Не грубо.

Но твердо.

— Алла.

— Пусти!

— Сейчас вы ничем не поможете.

— Пусти!

— Смотрите на меня.

— Там мама!

— Смотрите на меня!

Его голос прорезал панику.

Алла подняла глаза.

Орлов стоял рядом, близко, и держал ее за плечи. Его пальцы были горячими даже через ткань блузки. Взгляд жесткий, но не холодный.

— Дышите, — сказал он. — Вдох. Сейчас. Со мной.

Она не хотела.

Не могла.

Но его голос держал ее, как перила над пропастью.

— Вдох, Алла.

Она вдохнула.

Рвано.

Больно.

— Еще.

Она вдохнула снова.

В телефоне шум продолжался.

Потом голос Сергея:

— Задержали. Женщина цела. Повторяю, женщина цела.

Алла будто перестала слышать мир.

— Цела?

Сергей кивнул.

— Да.

Орлов не отпустил ее сразу.

И хорошо.

Потому что ноги не держали.

В трубке снова появился голос матери:

— Алла? Аллочка?

Алла вырвала телефон почти жадно.

— Мам! Ты как?

— Я... я не знаю. Тут мужчины. Они сказали про мышку.

Алла, кто это был? Он стучал, говорил, что от тебя. Что ты попала в аварию и мне надо срочно ехать.

Алла закрыла глаза.

Какая простая ловушка.

И какая страшная.

Если бы она не успела.

Если бы Марина не позвонила.

Если бы Орлов не сказал не открывать.

Если бы мама поверила.

— Мам, ты сейчас поедешь с этими людьми. Они отвезут тебя в безопасное место.

— Куда?

Алла посмотрела на Орлова.

— В гостиницу под охраной, — сказал он тихо. — Не нашу служебную. Нейтральную. Через юриста.

Она кивнула.

— Мам, тебя отвезут в гостиницу. Я скоро приеду.

Орлов сразу сказал:

— Нет.

Алла бросила на него взгляд.

— Я приеду, — повторила она в трубку, не отводя глаз от Орлова. — Только сначала нужно закончить кое-что важное.

Мама плакала.

— Аллочка, я ничего не понимаю. Это Максим? Это из-за него?

Алла замерла.

— Ты знала?

Пауза.

Та самая.

Виноватая.

Маленькая.

Очень знакомая.

— Мам. Что ты знала?

— Он приходил ко мне... пару недель назад.

Алла перестала дышать.

— Что?

Орлов напрягся.

Марина закрыла лицо рукой.

— Он сказал, что ты связалась с опасным человеком. Что ты упрямая, ничего не слушаешь, что он переживает. Он был такой вежливый, Алла. Принес лекарства, помог донести пакеты...

— Ты дала ему мой адрес? — голос Аллы стал пустым.

Мать заплакала сильнее.

— Я не думала... Он сказал, что хочет вернуть тебя, что

понял ошибки. Я думала, может, он правда...

Алла опустила телефон.

Не отключила.

Просто опустила руку.

Мир вокруг стал белым и глухим.

Так вот откуда.

Не взлом.

Не слежка.

Не тайные базы.

Мама.

Мама дала Максиму ее адрес.

Мама, которой она переводила последние деньги.

Мама, ради которой сейчас тряслась от ужаса.

Мама, которую она только что спасала через чужих людей
и чужую власть.

Слова внутри закончились.

Орлов аккуратно взял телефон из ее руки.

— Татьяна Викторовна, сейчас не время для объяснений.

Выполняйте инструкции людей рядом с вами. Алла перезвонит позже.

Он отключил звонок.

Алла стояла неподвижно.

Внутри не было даже боли.

Только пустота.

Огромная.

Звнящая.

Марина тихо сказала:

— Алла...

— Не надо.

Голос вышел ровным.

Слишком ровным.

— Только не надо сейчас говорить, что она не со зла.

Марина закрыла рот.

Алла усмехнулась.

Губы дрожали, но она усмехнулась.

— Конечно не со зла. У нас в семье все не со зла. Деньги занимают не со зла. В чужую жизнь лезут не со зла. Адрес бывшему дают не со зла. Потом ты стоишь и понимаешь, что тебя предали, но обижаться нельзя, потому что человек слабый, больной, несчастный, он же не хотел.

Орлов молчал.

И правильно делал.

Еще одно слово — и Алла могла сорваться.

Но она не сорвалась.

Что-то внутри нее вдруг стало твердым.

Не ледяным.

Не мертвым.

Твердым.

Как камень, на который наконец перестаешь падать и начинаешь опираться.

— Мы едем обратно, — сказала она.

Сергей Николаевич поднял брови.

— Куда?

— В компанию. Елена Павловна сбежала с документами. Но у нас есть флешка и папка Лены. Если мама уже в безопасности, значит, теперь надо заканчивать.

Марина смотрела на нее с болью.

— Алла, тебе бы сейчас...

— Что? Поплакать? Лечь? Пожалеть себя? Я сделаю это потом.

Она повернулась к Орлову.

— Вы сказали, что Лазарев поводок. Значит, надо найти руку.

Орлов смотрел на нее долго.

В его взгляде было что-то новое.

Не восхищение.

Не интерес охотника.

Не желание.

Уважение.

Тихое и тяжелое.

— Хорошо, — сказал он.

Но теперь это «хорошо» было не уступкой.

А союзом.

Они вышли из хранилища быстро.

Микроавтобус ждал у служебного входа. На улице уже стемнело. Город сиял огнями, люди спешили по своим обычным делам, не подозревая, что в старом здании только что вскрылась тайна трехлетней давности, а где-то рядом по ули-

цам, возможно, уходила женщина, которая все это время держала в руках чужие судьбы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.